

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1823.

§ XXXV*).

Въѣздъ въ Могилевъ, открытіе намѣстничества и вступленіе въ должность.

Тако мнѣ шествующу, въ спокойствіи и тревогѣ, чрезъ разстояніе ста верствъ, напоследокъ показались возвышенныя мѣста и зданія града Могилева. Уже великія каменныя новоздѣланныя врата, называемыя Быховскія, предстали, при концѣ почтовой аллеи и при началѣ города, моему взору; уже вмѣстили они въ свои стѣны проѣзжавшую мою колесницу, произвели съ нею глухой стукъ и открыли улицу. Уже я почти забылъ горестное приключеніе утки, и начиналъ мечтать, что я древній римлянинъ, которому, при въѣздѣ въ Римъ, позволенъ, по крайней мѣрѣ, «малой триумфъ», хотя, въ досаду мнѣ, ни одинъ изъ проходящихъ по улицамъ не интересовался знать, существуя-ли я на свѣтѣ.

Я достигъ квартиры Луцевина. Онъ принялъ меня по-дру-

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что какъ изъ настоящей главы, такъ XXXI, XXXVI—XXXVIII главъ отрывки были напечатаны въ «Виленскомъ журналь» 1869 г. Приведенные впрочемъ тамъ отрывки весьма не велики, большими перерывами и мѣстами даже съ подновленнымъ слогомъ. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ безъ малѣйшихъ пропусковъ и отнюдь не зволяемъ себѣ измѣнять ни единого слова въ подлинной рукописи, съ которой печатаемъ «Истинное повѣствованіе» Добрынина.

Ред.

жески; и мы вселились въ одну коморку, и составили одинъ столъ изъ двухъ половинъ.

Къ открытію намѣстничества собрано уже было въ городѣ со всей губерніи шляхетство *). Уже вышелъ отъ государева намѣстника графа Чернышева церемоніаль. Вездѣ его читали, и каждый день ожидали открытія намѣстничества, но не знали: когда?

Поелику и Луцевинъ былъ назначенъ по росписанію на протоколистскую ваканцію, въ намѣстническое же правленіе, то и ежедневной нашъ путь туда и оттуда былъ совмѣстенъ **). Наша опрятность — ежели не больше что — привлекала намъ знакомство со многими, и мы старались показаться того достойными. Все въ городѣ шумѣло, многіе суетились и нието ничего не дѣлалъ, выключивъ немногихъ, напримѣръ:

Графъ Чернышевъ занимался трудомъ достойнымъ цѣли великія государыни.

Генераль-адъютантъ Вязмитиновъ старался неусыпно, и по службѣ и безъ службы, угождать вспыльчивости графа и самоправію графини. И за этотъ трудъ и терпѣніе, никого они столько не гоняли какъ его; ни къ кому столько не имѣли довѣренности, какъ къ нему; и ни въ кого столько влюблены не были, какъ въ него.

Г. Гамалѣя, правитель канцеляріи по части гражданской, сѣдѣлъ непрерывно надъ бумагами и, будучи латинской грамматикъ, старался не пропустить ни боммы, ни точки, ни запятой.

Секретарь Ключаревъ занимался усовершенствованіемъ наклонность свою къ театральному таланту, и часто являлся къ Вязмитинову на пробу.

Г. Нагаткинъ, генераль-аудиторъ-лейтенантъ, не боялся крика и гнѣва ни графа, ни графини; вездѣ гдѣ хотѣлъ шатался. У себя съ другими и самъ у другихъ обѣдывалъ, ужинавалъ, а

*) Графъ уже приѣхалъ, и я увѣдомилъ, по условію, рогачевскаго коменданта. Но любезной Плещъ не продолжилъ со мною своихъ переписокъ. Онъ вскорѣ умеръ, не старѣ лѣтъ 38-ми. Г. Д.

**) Хотя присутствіе намѣстническаго правленія не было еще открыто, однако-жъ чиновники и канцелярія переведены уже были въ новой корпусъ строенія; и тамъ отправляли дѣла по старому еще обряду губернской канцеляріи, а во ожиданіи новаго, все уже уставлено было на своихъ мѣстахъ. Г. Д.

больше того пиваль, и отработываль въ мигъ письменныя, по части воинской, дѣла, разговаривая и балагурия со всѣми входящими къ нему.

Дворянство же, исключая магнатовъ, разсыпавшись по корчмамъ, трактирамъ, ѣло, пило, гуляло и въ карты играло.

А прежней эпохи правитель канцеляріи Алѣевцевъ цѣль сядя дома.

Не будетъ лишнимъ, если я приведу себѣ на память шалости сего не глупаго шалуна, бывшія во время управленія его губернаторскою канцеляріею. Онъ былъ охотникъ гулять, но пилъ мало, потому-что скоро обезсиливалъ отъ вина. Его, въ такихъ случаяхъ, сопровождало общество секретарей и другихъ, находившихся при канцеляріи, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Проситель, на счетъ котораго желало сіе братство попировать, обыкновенно привѣтствовалъ: «здѣлайте меня счастливымъ». Алѣевцевъ другою вина на ту пору не пиваль, кромѣ шампанскаго, тогда оно дешево было въ Могилевѣ — 1 р. 60 к. бутылка.

Гости не требовали меньше на столъ, какъ дюжинами бутылкозъ, а смотря по важности дѣла и достатку просителя, особливо же просящагося въ таможду, ставился на столъ и цѣлой ящикъ. Употребленіе пробочника запрещалось; вмѣсто того щеголяли искусствомъ отбивать горло отъ бутылки объ край стола, или объ столовую ножку; будеже бы отъ которой оно не ровно отбилось, или бутылка треснула ниже горла, та выбрасывалась за окно и съ виномъ. Алѣевцевъ видѣлъ, что онъ для сего имѣеть въ секретаряхъ своихъ хорошихъ сотрудниковъ, а по службѣ худыхъ помощниковъ... (въ семъ мѣстѣ надобно взять терпѣніе и ожидать развязки).

Могилевскій архіерей Георгій Конискій*), мужъ—ему тогда

*) Поправлено изъ «Конецкій». Кстати напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого замѣчательнаго іерарха русской церкви: Георгій Конискій р. 1717 г., обучался въ Кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должность ректора и профессора богословія, будучи притомъ архимандритомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Въ 1757 г. онъ учредилъ въ Могилевѣ семинарію и тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію. Мужество и неутомимая энергія въ оборонѣ православія противъ латинской и униатской церкви—стяжали Георгію Конискому славное имя въ лѣтописяхъ Западной Россіи. Къ числу многихъ сочиненій, оставленныхъ послѣ себя Конискимъ, относятся и «Исторію Русовъ», которая однако, во новѣйшимъ розысканіямъ по сему предмету, оказывается не его пера.—Съ

было за 60 лѣтъ—извѣстной по своимъ достоинствамъ престолу и государству, приѣзжаетъ къ губернатору Мих. Вас. Коховскому и говоритъ: «мой долгъ и самая совѣсть побудили меня приѣхать къ вашему превосходительству. Алѣвцевъ заводитъ, паче же и завелъ, масонію и продолжаетъ въ собраніи сей злокозненной секты цѣлыя ночи. Сіе не только соблазнительно для истинныхъ паствы моя христіанъ, но и для Алѣвцева, съ его послѣдователями, душепагубно. «Ни кто же, вжегъ свѣтильникъ, поставяетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да входящїи видятъ свѣтъ». Аще убо дѣла масоновъ непорочны, паче же и полезны, не подобаетъ крытися. Аще же укрываются пощю, убо являютъ, яко дѣла ихъ лукавы суть. Сїя вашему превосходительству открывал, прошу истребить зло въ самомъ его корнѣ. Аще ли же ни? я обовязанъ буду донести святѣйшему синоду».

Губернаторъ отвѣчалъ: «Я никогда бы и не подумалъ, чтобы Алѣвцевъ способенъ былъ къ заведенію какой-либо секты. Мнѣ кажется, это не его дѣло. Мы это сейчасъ рѣшимъ».—Позвоня въ колокольчикъ:— «Пошли Алѣвцева».

Алѣвцевъ является.

Губернат.: Какую ты заводишь масонію?

Архіерей: Я доноситель о вашихъ злокозненныхъ дѣяніяхъ; но я вашъ и пастырь, сего ради не устыдитесь, ниже убойтесь, говорите правду.

Алѣвцѣ. Да чего тутъ стыдиться? мнѣ нѣтъ ничего легче, какъ говорить правду. Ваше преосвященство имѣете въ монастырѣ пьяницъ? у меня ихъ въ канцеляріи хотя нѣтъ, однако-жъ шалуновъ и самовольниковъ не меньше, которыхъ, иногда, и трудно*) различить и съ пьяницами. Ваше превосходительство—къ губернатору—по своему добродушію, ничему свидѣтельству и просьбѣ не охотники отказывать**), и надѣлали столько секретарей и протоколистовъ, что у насъ ихъ полна канцелярія, а къ дѣлу живой души нѣтъ. Многіе изъ нихъ были-бы дѣловыми людьми,

Георгіемъ Ковняскимъ мы еще не разъ встрѣтимся въ «истинномъ повѣствованіи» Добрынина, такъ какъ архіепископъ бѣлорусскій Георгій, до самой смерти своей, въ 1795 г. продолжалъ пользоваться большимъ значеніемъ и почетомъ среди современныхъ ему дѣателей.

*) Въмѣсто зачеркнутого «на случай нельзя».

**) Въмѣсто зачеркнутого «никогда не отказывали».

Ред.

Ред.

Ред.

еслибъ не были такъ легко офицерами. Ваше превосход. часто гнѣваетесь, что канцелярія не успѣваетъ исполнять вашихъ приказаній, и что часто въ ней разстроивается общій канцелярскій порядокъ. Я былъ-бы дурной человекъ и худой правитель канцеляршн, если-бы не видалъ того же. Да что же мнѣ прикажете съ ними дѣлать? Они слушаютъ меня только тогда, и подражаютъ мнѣ исправно, когда бываютъ со мною въ гостяхъ на пирушкахъ. А трудиться по должности и быть благодарными за полученные не по заслугамъ чины, дѣло для нихъ совсѣмъ постороннее. Они увѣрены, что офицеръ тѣлесно не наказывается; а имъ больше ничего и не надобно. Посадить его въ караульню? у него и квартира не лучше. На хлѣбъ да на воду? у него еще желудокъ не исправился, какъ уже пора его выпустить къ работѣ».

Архьер.: Вы жалуетесь на канцелярію, а васъ не о томъ спрашиваютъ.

Алѣвц.: Меня спрашиваютъ: какую я завожу масонію?— такую, чтобъ исправить шалуновъ. Когда они увязнутся за мною въ гости—къ чему никогда ихъ приглашать не нужно и отучить нельзя—то я, заваливши имъ по нѣскольку стакановъ вина, провозглашу: что «мы здѣсь всѣ братья масоны, и всѣ равны». Тѣ, которые поумнѣе и знаютъ уже къ чему дѣло идетъ, закричатъ: «любезной братъ! прими отъ насъ лобзаніе», и шалуны то-же кричатъ, не зная къ чему дѣло идетъ, и всѣ другъ-друга цѣлуютъ. Между тѣмъ, какъ продолжаютъ непрерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» шалуна уже раздѣли, и ему нашептываютъ: что по правиламъ масонства, надобно испытать его твердость духа, и владутъ на скамейку: тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ. — Приготовленные два или четыре добрыхъ пука ельника, съ иглами, на подобіе банныхъ вѣнниковъ, только вдвое подольше*), гуляютъ по немъ, безъ препятствія рубашки, отъ плечь до поясницы, или и до подвязокъ, смотря по мѣрѣ его благородныхъ поступковъ. Кричи благородной, сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ, потому что всѣ непрерывно кричатъ: «любезный братъ: прими отъ насъ лобзаніе». А другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспѣваютъ: «ельникъ, мой

*) Последняя строка зачеркнута.

ельникъ, частой мой березникъ!» и проч.—простонародная пѣсня.— По испытаніи такимъ образомъ твердости духа, братъ, путеводитель и наставникъ, нашептываетъ ему: что,—это есть масонской обрядъ исправленія нравовъ, и что послѣ этого надобно всегда быть опрятну, и заниматься такимъ трудомъ, за которой жалуютъ насъ въ оберъ-офицеры, и проч. Потомъ пьютъ всѣ, за здоровье новопринятаго въ порядокъ брата, шампанскимъ виномъ. и онъ долженъ благодарить. Извольте ваше превосходительство переступить въ канцелярію, вы увидите сѣдящихъ сряду трехъ молодыхъ людей, въ позументахъ, въ бѣльѣ, причосанныхъ и подъ пудрою. Они съ недѣлю не ходили въ канцелярію, а только показывались тамъ, куда меня попросить въ гости. Съ позавчерашняго вечера масонское просвѣщеніе поставило ихъ въ настоящій порядокъ. Теперь они какъ макъ цвѣтутъ. На будущую ночь, снова мнѣ приниматься за трудъ. Двухъ благородныхъ шалуновъ давно уже пора озарить свѣтомъ масонства. Кстати и оказія готова: торопецкой купецъ Хабаровъ, который, получаю по наслѣдству 5000 руб., почти всѣхъ ихъ просадилъ, добываясь по разнымъ губерніямъ таможенныхъ мѣсть, и который, стоя у воротъ своей квартиры, проходу мнѣ не даетъ, прося здѣлать его счастливымъ. Пойдемъ къ нему, поможемъ ему добывать пять тысячъ руб. Шампанское польется, и мы будемъ имѣть тамъ трехъ счастливыхъ. А ваше преосвященство, если сомнѣваетесь, извольте—хоть инкогнито—сами быть свидѣтелемъ. И вы увидите, что я вамъ не солгалъ.

Архіерей и губернаторъ во все время такого объясненія другъ на друга посматривали, потомъ потеряли важность, и ну хохотать. Потомъ архіерей, подавая руку Алѣевцеву, спрашиваетъ: «а чи не можно и мнѣ отправить къ вамъ съ пару моихъ монаховъ?»

Однакожь губернаторъ, насмѣявшись довольно, сказалъ: «Я ничего не знаю и знать не хочу. Ты самъ долженъ будешь отвѣчать, не вмѣшивая меня, ежели-бы что случилось съ тобою неприятое въ этихъ сумазбродныхъ дѣйствіяхъ».

Сію сказку слыхалъ я отъ многихъ по открытіи уже намѣстничества; обстоятельнѣе-же и вѣрнѣе, отъ порядочныхъ секретарей и другихъ чиновниковъ, которымъ и самимъ случалось пѣть, но не испытывать «ельникъ мой ельникъ» и проч.—Бѣдной

Алѣевцевъ помѣщенъ былъ въ казенную палату ассессоромъ. Его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность; но онъ, будучи обезкураженъ незавидною для него ваканціею и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, пустился пить, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ.

Четвертаго числа іюня, 1778 года, былъ день открытія намѣстничества. Но никто этаго не предузнавалъ, даже до тѣхъ поръ, пока въ назначенный по церемоніалу осьмой предъ полуднемъ часъ, на всѣхъ колокольняхъ зазвонили, по улицамъ забарабанили, на башнѣ магистратской затрубили, и все пришло въ движеніе.

Всѣ чиновники приготовленныхъ къ открытію присутственныхъ мѣстъ, со своими канцеляріями, и все знаменитѣйшее дворянство собрались къ государеву намѣстнику въ большую залу, сколько ихъ могло вмѣститься. Протчіе по многочисленности были по другимъ комнатамъ, и даже на крыльцѣ и на площади остановились, въ чему содѣйствовала и прекрасная лѣтняя погода.

Оттуда, въ предшествіи государева намѣстника, со штатомъ по достоинству генераль-фельдмаршала, шли въ церковь, по отдѣленіямъ каждое присутственное мѣсто и каждой уѣздъ, а по обѣимъ сторонамъ шествія стояли полки въ ружьѣ.

Я не пощадилъ бы себя описаніемъ послѣдовавшихъ за церемоніаломъ баловъ и маскарадовъ. Но церемоніаль можно читать въ подлинникѣ подъ дѣлами въ архивахъ генераль-губернатора и губернатора того года, а на балахъ и маскарадахъ, каждому извѣстно чѣмъ занимаются. Развѣ то только припомнить, что графъ самъ игралъ въ вистъ по десяти копѣекъ партію.

По прошествіи уже лѣтъ около 12-ти отъ открытія намѣстничества, случилось мнѣ видѣть и читать въ канцеляріи генераль-губернатора Пассека книгу имянныхъ въ копіи повелѣній императрицы Екатерины Великія, къ бѣлорусскому государеву намѣстнику графу З. Г. Чернышеву, насланныхъ съ самаго забранія Бѣлоруссіи, по окончаніе бытности его бѣлорусскимъ государевымъ намѣстникомъ. Книга сія дошла къ Пассеку слѣдующимъ порядкомъ: Пассекъ, по наѣздѣ своемъ на генераль-губернаторство Бѣлорусское, требовалъ отъ графа Чернышева — ко-

торый былъ уже главнокомандующимъ въ Москвѣ — чрезъ нарочно-посланнаго всѣхъ имянныхъ повелѣній, дабы изъ оныхъ видѣть и знать, по сему новоприобрѣтенному краю, волю монаршую. Графъ ему отвѣчалъ: что, «онъ, по всѣмъ имяннымъ повелѣніямъ давалъ свои предписанія бѣлорусскимъ губернаторамъ, въ томъ числѣ отчасти и ему Пассеку, слѣдовательно, и можетъ онъ найти таковыя въ канцеляріяхъ Могилевскаго и Полотскаго губернаторовъ; однакожъ, между тѣмъ, сообщаетъ къ его превосходительству книгу въ переплетѣ, съ копіями всѣхъ имянныхъ повелѣній». Сія книга есть наилубопытнѣйшимъ памятникомъ и практическимъ образцомъ, для повелѣвающихъ и исполняющихъ, и не меньше историческою истиною на бѣлорусской край тогдашнихъ временъ. Но съ нею случилось такъ, какъ иногда и съ людьми, которые не живутъ дома. По соединеніи 1797 г. Павломъ I-мъ Могилевской и Полотской губерній, въ одну Бѣлорусскую, то-есть въ одну Витебскую, истребована она губернаторомъ Жегулинымъ отъ Пассека въ Витебскѣ, по совѣту витебскаго главнаго суда 1-го департамента совѣтника Путымцова, которой прежде былъ, при Пассекѣ, секретаремъ. Жегулинъ ее получилъ; но куда она послѣ того дѣвалась, неизвѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что сего великаго патріота графа Э. Г. Чернышева собственной домовою архивъ наполненъ подобными бумагами, изъ которыхъ можно бы воспользоваться и собственною его исторіею, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что она должна имѣть связь со внутренними и внѣшними государственными дѣлами, а можетъ быть и съ семилѣтнею въ Европѣ войною, во время которой графъ былъ взятъ въ полонъ Фридрихомъ Великимъ. Но сей полезной архивъ, ежели не пожертвуетъ собою, по общему порядку вещей, огню или моли, то, можетъ быть, родитъ книгу въ такую пору, когда настоящія наши времена, содѣлавшись глухою и темною стариною, не столько будутъ интересовать нашихъ потомковъ, сколько бы книга сія интересна была для насъ, которые счастливы были его знать, или служить подъ его начальствомъ.

Послѣ первыхъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ засѣданій, назначены графомъ и командированы отъ намѣстническаго правленія во всѣ уѣздные города чиновники, для открытія и въ

онихъ присутственныхъ мѣстъ, по новому учрежденію о губерніяхъ.

Мнѣ досталось ѣхать, при совѣтничѣй намѣстническаго правленія Полянскомъ, въ города: Мстиславль и Климовичи.

По приѣздѣ въ оныя, открыты нами присутственныя мѣста, съ наблюденіемъ при томъ церковныхъ, воинскихъ и гражданскихъ обрядовъ *). Во Мстиславлѣ угощаемы были мы и вся — какая была изъ дворянъ — публика, знатнѣйшимъ тамошнимъ помѣщикомъ, войскимъ Иваномъ Голынскимъ. Онъ съ братомъ имѣлъ тогда около 4,000 душъ. У него видѣлъ я въ покояхъ никогда немытой полъ, невытираныя стекла, которыхъ время и нечистота столько завоптили, что на нихъ множество было разныхъ фигуръ, написанныхъ въ разныя времена, по изволенію, пальцами, ногтями, спичками; иныя изъ сихъ фигуръ похожи были на китайскія литеры, на египетскіе іероглифы. Ежели въ самомъ дѣлѣ были это они, то вѣроятно писаны учеными іезуитами. Въмѣсто стульевъ были скамеечки, съ дирками по срединѣ, одного колыбра съ тѣми, какія въ его корчмахъ и мужичьихъ избахъ. Протчая мебель или утварь соответствовала окнамъ, полу и скамейкамъ. Между множествомъ блюдъ кушанья, были и хорошія; но неопрятность вездѣ играла героическое лицо. При такомъ изобиліи и непорядкѣ, ласковость хозяйская къ шляхетству того уѣзда подбита была гордою благосклонностью и снисхожденіемъ. А губернаторъ или генераль-губернаторъ, — примѣтно было изъ мимоходныхъ его словъ — должны зависѣть отъ его повелѣній. Совѣтника же Полянскаго почиталъ онъ всеуниженнѣйше, кланялся ему и искалъ его дружбы. У мстиславльскаго мѣщанина Карциловича приняты были чище.

Въ городѣ Климовичахъ угощены были тѣмъ же Голынскимъ и тѣмъ же порядкомъ, понеже онъ былъ и климовицѣй помѣщикъ.

Вездѣ, въ проѣздъ нашъ, ничего я не видалъ лутчаго, какъ дороги, мосты, почтовые дома, обмундированныя почталіоны, лошади сытыя, упряжка прочная, и проч. Мой Полянскій часто повторялъ: «это прекрасно, и въ иностранныхъ государствахъ не лутче».

*) 1. Всенощная, обѣдня, молебень. 2. Штатныя команды при городничихъ. 3. Цехи городскіе и проч.

Онъ, проѣзжая дорогою, не пропускалъ ни одного вида, никакой земли, лѣса, деревни, дома, горы, болота, корчмы, и проч., о которыхъ бы не спросилъ у проходящихъ, проѣзжающихъ, живущихъ, работающихъ: «Какъ сіи виды называются? Кому они принадлежатъ? Гдѣ помѣщикъ?» и проч. Мнѣ непонятно было, для чего онъ себя столько озабочиваетъ. По приѣздѣ же въ какой-нибудь помѣщичей домъ, въ которой бывалъ запрашивать, или въ городъ, или же при случайномъ свиданьи на почтѣ съ какимъ-либо бѣлорусскимъ помѣщикомъ, онъ вступалъ въ разговоръ съ такимъ свѣдѣніемъ о качествахъ бѣлорускаго грунта земли, о хорошихъ видахъ и о самыхъ помѣщикахъ, имянуя ихъ по фамиліямъ, какъ будто онъ родился въ тѣхъ мѣстахъ, которыя проѣзжалъ. Тутъ уже и мнѣ понятно стало, для чего онъ ничего того не пропускалъ безъ вопросовъ и замѣчанія, что съ нимъ встрѣчалось. Я началъ понимать, что онъ все то прочиталъ, что видѣлъ.

Въ Кричевѣ, мѣстечкѣ, пожалованномъ съ деревнями отъ императрицы князю Потемкину, осмотрѣлъ вновь заведенные симъ княземъ заводы парусинные, каматные, винокуренные, кожевенные, и прочіе, бывшіе тогда подъ смотрѣніемъ и управленіемъ полковника Нефедьева.

Возвратясь въ Могилевъ, нашли въ намѣстническомъ правленіи и другихъ посланныхъ чиновниковъ донесенія, объ отертіи ими въ уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣсть, по образу учрежденія государыни императрицы. — Такимъ образомъ вся губернія воспріяла, въ шесть дней, новой видъ правленія премудраго, подъ которымъ обѣ бѣлорусскія губерніи, такъ какъ и вся имперія, благоденствовали, повоились, торжествовали чрезъ всѣ счастливые годы ея царствованія, исключая только частныхъ какихъ-нибудь неурядковъ, кои иногда отличались начальники губерній по недовѣднію, или по употребленію во зло данной имъ власти; отчего, однакожь, вѣроятно нигдѣ и никакое правленіе свободно быть не можетъ. — Твердой любитель отечества и пѣвецъ Екатерины II, встати, сказалъ въ одномъ извѣстномъ изъ своихъ сочиненій:

А только иногда вельможи,
И такъ и сякъ нахмура рожи,
Тузять много.....

Впротчемъ, я такъ говорю, будучи чиновникъ подчиненной. Начальникъ же губерніи, можетъ-статься, съ большимъ-бы основаніемъ заговорилъ: что, подчиненныхъ его можно-бы раздѣлить на десять частей, а именно: въ первыхъ восьми частяхъ: плуты, невѣжи, нерадивы, моты, слабы, несвѣдущи, подлы, буяны; девятая часть—терпима, десятая—годится. Можетъ-быть, счетъ сей и не вѣренъ; но то вѣрно, что я въ первыхъ девяти частяхъ не хотѣлъ бы себя полагать *).

Итакъ, губернія открыта. Каждой занялъ свое мѣсто. Вновь выстроенныя каменныя присутственныя мѣста, чистотою своею и выгоднымъ расположеніемъ, облегчали должность трудящагося въ нихъ; по крайней мѣрѣ, я такъ чувствовалъ. Каждой день, съ половины 12-го часа до половины 1-го по полудни — вромѣ субботы и воскресенья — на магистратской башнѣ, по заведенію и повелѣнію графскому, на счетъ городскихъ доходовъ, играли на трубахъ и валторнахъ; а въ торжественные дни, и на другихъ при томъ инструментахъ **), что было знакомъ приближенія часовъ отдохновенія.

Графъ часто самъ присутствовалъ въ намѣстническомъ правленіи. Онъ, въ хорошую лѣтнюю погоду, прихаживалъ пѣшой, предшествуемъ штатомъ, по достоинству генераль-фельдмаршала, и сопровождаемъ военными чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, такожъ молодыми благородными людьми, каковыхъ каждому генераль-губернатору и учрежденіемъ позволено имѣть при себѣ по два съ каждаго уѣзда.

Въ небольшомъ разстояніи, предъ крыльцомъ правленія, ожидали его придверники или швейцары: отъ намѣстническаго правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія, и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевѣсахъ малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта, и, держа предъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намѣстника до дверей намѣстническаго правленія, гдѣ графъ входилъ въ присутствіе, а прочіе всѣ оставались въ залѣ и другихъ покояхъ. Равномѣрно всѣ швейцары обязаны были, въ небытность въ губерніи гене-

*) Начиная со словъ: «исключая частныхъ какихъ-нибудь не порядковъ» все это зачеркнуто въ рукояси.

Ред.

**) Строка эта зачеркнута.

Ред.

раль-губернатора, дѣлать такую же почесть и губернатору. Предъ прочими же судьями шелъ только одинъ швейцаръ того мѣста, котораго былъ судья. И для того всѣ швейцары обязаны были быть на большомъ нижнемъ крыльцѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ судьи, каждой во свое мѣсто, соберутся, и такимъ же образомъ предходить при выходѣ судей изъ присутствія. — Таковъ былъ заведенъ графомъ порядокъ, которой, сверхъ пристойнаго вида, внушалъ каждому зрителю: что, «это идетъ членъ присутственнаго мѣста» *).

Вмѣстѣ съ открытiемъ намѣстничества, открылось и несогласiе между генераль-губернаторомъ графомъ Чернышевымъ и губернаторомъ Коховскимъ. Графъ былъ хотя человекъ искренной и охочъ дѣлать добро, но былъ горячаго свойства и непобѣдимой слуга и любитель своего отечества; а изъ сего драгоценнаго источника изливалось иногда то, что онъ, подъ образомъ службы, скажетъ и губернатору, какъ деньщику. Губернаторъ былъ скромнень и чувствителенъ. Уже онъ пересталъ присутствовать, и послалъ къ императрицѣ просьбу о возвращенiи его къ воинской службѣ.

Помню, какъ графъ, единожды, во время присутствія, послалъ изъ судейской камеры протоколиста Луцевина въ домъ къ губернатору, не уважая его болѣзни, спросить его о какихъ-то бумагахъ; но медицинскiе чины, сидѣвшiе у дверей губернаторской спальни, посланнаго не допустили, говоря ему: что они имѣютъ долгъ донести, чрезъ него, его сиятельству, что больной губернаторъ, не спавши цѣлую ночь, теперь только приуснулъ.

Графъ отѣхалъ во свое подмосковное владѣнiе, Ярополчъ, а на мѣсто Коховскаго, отправившагося въ члены въ военную коллегiю, опредѣленъ въ губернаторы дѣйствительный камергеръ, генераль-поручикъ и кавалеръ Пассекъ. Мы скоро его увидѣли. Онъ былъ бояровать, представлялъ вельможу, но былъ въ долгахъ неоплатныхъ, въ разсужденiи своихъ доходовъ, и былъ такой же вояжиръ, какъ и совѣтникъ Полянскiй. Они скоро

*) Съ 1797 года швейцары и булавы не во употребленiи. Мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствiе, смѣшавшися вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляла: по порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не встать.

свели дружбу. Связь ихъ тѣмъ была крѣпче, что Полянскій имѣлъ способность и не меньше того горѣлъ честолюбіемъ управлять, ежели не всѣмъ свѣтомъ, но крайней мѣрѣ Могилевскою губерніею. А Пассекъ ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго. И тѣмъ болѣе они каждой своимъ склонностямъ угождали, тѣмъ болѣе другъ-другу нравились, потому что одинъ въ другомъ имѣли нужду. Итакъ, Пассекъ, желая пользоваться переменною воздуха, разъѣзжалъ, а Полянскій схватилъ въ руки весло правленія. Вице-губернаторъ Воронинъ, сколько ни былъ неграмотѣй, почувствовалъ оскорбленіе спѣси тѣмъ, что вице-губернаторство его значило меньше совѣтничества. Онъ, не заводя ссоры съ губернаторомъ, попросился благоразумно въ отставку; а Полянскій, почитая его благоразуміе, помогъ ему, чрезъ генераль-прокурора князя Вяземскаго — у котораго онъ былъ прежде секретаремъ — получить пенсіонъ по смерти.

На мѣсто Воронина, приславъ, съ предсѣдательскаго въ полутской гражданской палатѣ мѣста, статской совѣтникъ Николай Енгельгардтъ; мужъ ростомъ высокородный, собою видной, здоровой, брюнетъ; любящій до безумія собственную пользу; труду и должности, въ которую опредѣленъ, непримиримой врагъ. На повѣрку выходитъ, что Полянскій въ губерніи самой большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и 2-хъ вершковъ, съ коблуками и съ тогдашнимъ высокимъ тупеемъ, представляющимъ парусъ, или буфетныя ширмы *).

§ XXXVI.

1779 годъ.

1779 годъ прошолъ въ полной Полянскаго славѣ, или, лутче сказать, въ полномъ его желаніи. Италіанской и французской зыкъ, которые онъ зналъ какъ природной свой, литература, танцы, карты, свѣдѣніе о вещахъ, даръ слова, скорая мысль, счастливая память, ловкость отдѣлывать по бумагамъ все скоро, неограниченное его любочестіе, или честолюбіе, и недѣятельность губернатора Пассека давали ему право поступать самовластно**). Онъ сажалъ дерзкихъ и глупыхъ дворянъ въ караульню,

*) Последняя строка зачеркнута.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «самодержавно».

Ред.

Ред.

неисправныхъ секретарей и канцелярскихъ служителей посылалъ туда же, а съ невѣждами мѣщанами не хотѣлъ и словъ терять, повелѣвая имъ исполнять безмолвно *) всѣ ихъ обязанности; многіе отвѣдывали **) съ нимъ поспорить, но всегда оставались въ дуракахъ. Ибо на сей случай шутливый его, и вмѣстѣ язвительныя, критическія и дѣльныя приказанія — безъ потери важности — тѣмъ несноснѣе были тому, къ кому они касались, что всѣ сторонніе, кто бы тутъ ни случился, со смѣха животы надрывали. Почему, всѣ его боялись и почитали. И, къ чести его сказать: порядокъ не нарушался, какъ въ намѣстническомъ правленіи, такъ въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи. И за сей порядокъ никто его не любилъ. Его злословили, проклинали, ему желали зла. Его досужество находило для себя праздное время, которое нужно было дополнять упражненіемъ.

Найдено за нужное установить ложу братства вольнаго каменщикачества, но совсѣмъ не такого, какое было при Алѣксѣевѣ. Всему тогдашнему, а можетъ быть, и теперешнему свѣту извѣстно существованіе ордена масоновъ, но ничто столько и не темно, какъ сія извѣстность, почему и я, сказавъ, по порядку моей исторіи, о сей закрытой ясности и не распространяясь дальше, обязанъ умолкнуть.

Въ 1780-мъ году, въ майѣ мѣсяцѣ, государыня императрица Екатерина II-я и, подъ именемъ графа Фалкенштейна, императоръ нѣмецкій—или римскій—Иосифъ II-й посѣтили Могилевъ.

Мнѣ надлежало бы начать сіе мѣсто подробнымъ описаніемъ приуготовленій, въ принятію вѣнценосныхъ ***) посѣтителей. Но, какъ нѣтъ сомнѣній, что мѣсто сіе написано будетъ историческимъ перомъ вѣка Великія Екатерины, то разсудилъ я воснудиться ихъ столько, сколько придутъ они мнѣ въ мысль, по моей исторической матеріи.

Императоръ прибылъ за день прежде императрицы. Извѣстно уже, что онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ свои путешествія продолжать нивогнито. Въ Могилевѣ уже это знали, и всякой заботился узнавать время приѣзда императора и его особу; однако-жъ никто не могъ примѣтить ни время его приѣзда, ни мѣ-

*) Это слово зачеркнуто.

**) Вмѣсто зачеркнутаго «пытались».

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «толь знаменитыхъ».

Ред.

Ред.

Ред.

ста его проѣзда, или входа въ городъ; и каждой, видя между народомъ офицера въ зеленомъ гарнизонномъ мундирѣ, безъ компаніона и слуги, росту средняго, лица нѣмецкаго, больше темно-красноватаго, нежели бѣлаго, причосаного въ одну пучку съ косою, никто не могъ догадываться, чтобъ это былъ императоръ. Почему и никто не былъ любопытенъ его разсматривать. Нечаянной случай открылъ его публикѣ. Онъ взошелъ на башню магистратскую, которая выше всѣхъ въ городѣ строеній, и скоро съ нея сошедши, шелъ въ замоку, гдѣ квартира нашего губернатора. Многіе изъ насъ*), бывшихъ тогда въ намѣстническомъ правленіи при должностяхъ, въ первую половину дня, смотрѣли въ окна со втораго этажа на народъ, ходящій во множествѣ по площади, на пирамиды, фестоны, или приборы изъ ельника, и на прозрачныя символическія картины и проч., и завидя губернатора Пассека, выходящаго изъ замка съ нѣсколькими чиновниками, ожидали его въ присутствіе; но мы, противъ чаянія, увидѣли, что онъ вдругъ сдѣлалъ, на своемъ пути, скорое и необыкновенное движеніе въ сторону; и вдругъ, идущему противъ его офицеру, поклонился очень низко. (Пассекъ зналъ лично императора). Офицеръ сдѣлалъ знакъ рукою, приподнял свою шляпу, и, приостановясь съ губернаторомъ на одну секунду, пошелъ въ свой путь. Сіе явленіе открыло всѣмъ императора, а губернаторъ, пришедши въ правленіе сказалъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, произшедшую отъ нечаянности. Не надобно было кланяться императору, поелику не угодно его величеству, чтобы кто его узнавалъ, а надлежало-бы, вмѣсто сего, пойти на квартиру, и то одному». (Квартира отведена была въ каменномъ дву-этажномъ домѣ, гражданина Онбско).

Императоръ хозяину (дома), у котораго квартировалъ, подарилъ портреты: свой и своей родительницы, императрицы Маріи Терезин.

Я присмотрѣлся къ императору очень близко, какъ онъ, того же дни, послѣ полудни, болѣе часа съ княземъ Потемкинымъ, стоя одинъ противъ другого на одномъ мѣстѣ и держа въ рукахъ шляпы, разговаривалъ въ саду могилевскаго архіерея, при углу архіерейскихъ келій, въ которыхъ квартировалъ князь Но-

*) Вмѣсто зачеркнутого: «Мы всѣ».

темкинъ. Тогда я съ другими лавировалъ по городскому валу, съ котораго въ садъ все было видно чрезъ низкую деревянную ограду, и не болѣе отъ вала до нихъ было разстоянія, какъ сажень восемь.

Не разсуждая полнымъ смысломъ о качествахъ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по-своему: возможно ли, думалъ я, чтобы, встрѣтясь съ нимъ, можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ нѣмецкаго народа? и почему природа осмѣливается такъ шутить; что онъ похожъ на нашего могилевскаго столяра Стемлера? Но потомъ, въ теченіе моей жизни, читая вошедшія въ печать его письма къ императрицѣ его родительницѣ, въ Фридриху Великому и другимъ важнымъ особамъ, видѣлъ, что всесильная непостижимость опредѣлила ему высочайшій между смертными степень по достоинству, и достоинства даровала по степени.

Я не вытерплю, чтобъ не написать здѣсь нѣкоторыхъ мѣстъ изъ одного его письма, писаннаго имъ при уничтоженіи монастырей, къ одному кардиналу и читаннаго мною въ переводѣ, между другими пьесами.

«Съ того времени, какъ я взошелъ на престолъ и получилъ первую въ свѣтѣ корону, сдѣлалъ я философію законодательницею моего государства. Мнѣ весьма нужно удалить нѣкоторыя вещи изъ царства вѣры, которыя къ ней никогда не принадлежали. Такимъ образомъ, монахамъ дамъ я отпускную, монастыри оныхъ уничтожу, и проч... Въ Римѣ растолкуютъ сіе оскорбленіемъ правъ божескихъ. Знаю я, тамъ будутъ громогласно кричать: «слава израилева пала! что я отъемлю у народа его защитниковъ и что хочу положить пограничную черту между понятіями о догматахъ вѣры и философіи». А еще болѣе озлобятся, когда я предприиму сіе безъ соизволенія его папскаго святѣйшества. Сія вещи бытіемъ своимъ обязаны паденію челоувѣческаго разума. Никогда служитель олтаря не согласится, чтобъ правительство поставило его на то мѣсто, куда онъ дѣйствительно принадлежитъ, и чтобъ онъ, кромѣ евангелія, ничѣмъ другимъ не занимался, хотя запрещается даже законами чадамъ левитовъ производить монополію челоувѣческимъ разумомъ. Правила монашества, начиная отъ Пахомія до нашихъ временъ, были всегда противоположны свѣту разума. Они про-

стирають высокопочитаніе къ своимъ установителямъ до безпредѣльнаго благоговѣнія и боготворенія, такъ что мы видимъ въ нихъ воскресшихъ израильтянъ, приходившихъ въ Веелію, для поклоненія влатору тельцу. Сіи ложныя понятія о вѣрѣ распространяются наибаче на чернь, которая, позабывъ Бога, во всемъ надѣялась на Его намѣстниковъ*) и проч... Такимъ образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, а не вѣковъ, возстанутъ истинные христіяне. Такимъ образомъ, когда я совершу планъ мой, народы моего государства узнаютъ точныя свои должности, коими они обязаны Богу, отечеству и ближнему. Такимъ образомъ, даже и потомки благословлять насъ будутъ, что мы освободили ихъ отъ властолюбиваго Рима, что показали духовнымъ предѣлы ихъ званія и будущую ихъ жизнь посвятили Богу, а настоящее бытіе — отечеству».

Вотъ образъ мыслей, каковаго ни одинъ изъ высшихъ предшественниковъ или современниковъ его не имѣлъ или не обнаруживалъ, кромѣ Фридриха Великаго и Екатерины Великой, которая реформою монастырей и монастырскихъ недвижимыхъ имѣній явила свѣту, что мысль ея была единообразна съ сими великими монархами; единообразна, но не подражающа, а подражаема.

Государыня императрица Екатерина II, на другой день прибытія императора Іосифа II, часу въ 12, въ полдень, изволила прибыть въ Могилевъ.

Вѣздъ ея въ городъ былъ съ конвоемъ эскадрона кирасирскаго — не помню, каковаго полку. Предъ городомъ, за полверсты, на триумфальныхъ деревянныхъ выкрашенныхъ воротахъ, сдѣланы были золотыми литерами приличныя надписи, съ приѣзда: *Felici Adventui*, а на другой сторонѣ: *Patent superis*, съ означеніемъ время приѣзда, римскимъ счетомъ: MDICCLXXX**).

Шествіе было мимо присутственныхъ мѣстъ, — при которыхъ

*) А развѣ-жъ бы чернь лутчаго изобрѣла бога, если-бъ не внушала ей вѣра того, что духовные ихъ учителя суть не меньше, какъ намѣстники Божіи? Кошки, собаки, лукъ, чеснокъ, быкъ, корова, змѣй-гадина-ужака, крокодилъ, развѣ не были жребіемъ заблужденія цѣлыхъ государствъ и народовъ? Государствъ и народовъ, которые были, право, не хуже насъ и всегда ѣли апельсинъ и ананасы.

Мнѣніе мое. Г. Д.

**) Сіи ворота могли-бы служить памятникомъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 90; но по смерти императрицы въ первой годъ сломаны. Г. Д.

стояли всё мы должностные, отъ губернатора и судьи до канцелярскаго служителя, придверника и сторожа, отдѣльно каждое присутственное мѣсто,—прямо въ соборную церковь, гдѣ пресвященный могилевскій, Георгій Конискій, встрѣтивъ монархию, съ духовенствомъ и влиромъ, по чиноположенію грековосточной церкви, и ставъ на проповѣдническомъ мѣстѣ, провозгласилъ приличную сему случаю рѣчь. Изъ церкви—въ казенной генераль-губернаторской домъ.

Ихъ величества пробыли въ городѣ семь дней—включительно приѣздный и выѣздный—въ продолженіе которыхъ было нѣсколько театральныхъ представлений, воинскихъ виѣ города маневровъ, каждо-ночныя освѣщенія. А евреи воздвигнули, среди площади, между фестопами изъ ельника и пирамидами, оркестръ, съ надписью со входа: «торжествуемъ, яко-же во время Соломона», гдѣ и играли на разныхъ инструментахъ, попеременно, почти денно-ночно.

Государыня-императрица посѣтила первыя четыре присутственныя мѣста: намѣстническое правленіе и три палаты. Ея окружали: министръ императора—при российскомъ дворѣ—графъ Кобенцель, генераль-фельдмаршалъ, графъ Румянцевъ-Задунайскій, графъ З. Г. Чернышевъ, князь Потемкинъ, князь С. Оед. Голицинъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, губернаторъ Пассекъ, и прочіе. А въ праздникъ Вознесенія и въ день воскресный, слушала обѣдню въ соборной церкви при отправленіи священнослуженія могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конискимъ.

Извѣстно, что государыня императрица рождена и воспитана въ законѣ евангелическомъ, а грекороссийскій приняла уже предъ бракосочетаніемъ. Но, съ какимъ достойнымъ зрѣніемъ благочестіемъ и нравственною простою, предстала она тогда священному олтарю, и, при важнѣйшихъ дѣйствіяхъ, заключающихъ въ себѣ таинство греко-восточной церкви, изображала на себѣ полной крестъ, и поклонялась столь низко, сколь позволяеть сложение человѣческаго корпуса! Сіе примѣтно было всѣмъ тогда, и единовѣрцамъ, и католикамъ.

Во всю бытность императрицы въ Могилевѣ царствовала, въ ея дворцѣ и въ квартирѣ императора, тишина; видно, что двое на земномъ шарѣ владыкъ имѣли чѣмъ заниматься, кромѣ

народныхъ шумныхъ забавъ. «Великимъ особамъ,—сказалъ нѣгдѣ великій духъ,—потребны великіе замыслы», дѣйствіе которыхъ открылось противъ падышага *) турецкаго. Россія взяла отъ него Крымъ, за которой потомъ возгорѣлась война, и миръ увѣнчалъ Россію приобрѣтеніемъ Очакова съ землями, въ 1788-мъ году. Ихъ величества заложили въ Могилевѣ церковь св. Іосифа. При заложеніи, видѣлъ я, подъ однимъ шатромъ, двухъ коронованныхъ главъ и всѣхъ вышесказанныхъ лицъ. По окончаніи заложения, епископъ могилевскій Георгій Конискій, сказалъ предъ императрицею краткую рѣчь, безъ сомнѣнія, приготовившись, а императрица отвѣтствовала ему еще короче, безъ сомнѣнія, не готовившись; ибо, не слышавши вопроса, нельзя приготовиться съ отвѣтомъ. Мнѣ, въ тѣснотѣ воинской и губернской благородной знати, хотя очень близко досталось стоять, однако-жъ не слыхалъ я ни одного слова ни царскаго, ни пастырскаго. По несмысленному распоряженію зазвонили во всѣ колокола тогда, когда надлежало умолкнуть всему, что мѣшаетъ слуху. Но ежели неизвѣстныя мѣста можно дополнять догадкою, то матерія, безъ сомнѣнія, состояла съ одной стороны въ священнхъ, или церковныхъ, а съ другой, въ царскихъ словахъ, приличныхъ случаю заложения храма, назначеннаго пѣтъ имени создателей своихъ до неизвѣстныхъ временъ.

А Іосифъ, взаимно у себя, заложилъ и сдѣлалъ церковь во имя св. Еватерины. Въ два года отъ заложения—какъ говорили—отправлялось уже въ ней богослуженіе; а въ нашей могилевской—чрезъ 18 лѣтъ. Не потому, чтобы огромность ея требовала такого времени; но потому, что таково было послѣ графа могилевское правительство. Губернаторъ Пассекъ, вступившій потомъ, изъ сенаторовъ, на мѣсто графа Чернышева генераль-губернаторомъ, подрядчика строенія церкви купца Чирьева почтилъ отличнымъ своимъ покровительствомъ, для того, что онъ, тѣмъ же матеріаломъ и работниками, отдѣлывалъ ему мызу Пипинъ-бергъ, названную такъ по имени Пипинки, побочнаго его сына. Сей союзъ вскорѣ разрушился. Чирьевъ сдѣлался на генераль-губернатора жалобщикомъ и доносителемъ, а генераль-губернаторъ, его мстителемъ и гонителемъ, о чемъ обстоятель-

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «императора».

нѣе скажется ниже на своемъ мѣстѣ. Въ такомъ замѣшательствѣ церковь оставалась вчернѣ лѣтъ 15-ть, да отдѣльвалась начисто года три, и освящена, уже по смерти императрицы и по оставкѣ Павломъ I-мъ Пассека. Таково было во всѣхъ частяхъ правленіе генераль-губернатора Пассека, которой, будучи по природѣ тяжелъ, поддерживалъ себя угожденіемъ сильному князю Потемкину и князю Вяземскому, сильному тогда генераль-прокурору. Впрочемъ, Пассекъ былъ мужъ не слабомысленной и не злой, хотя и не слишкомъ строгихъ добродѣтелей.

Кромѣ сего мѣста, императора нигдѣ не видно было, совмѣстно съ императрицею, и на маневрахъ онъ былъ одинъ.

Государыня-императрица приказала главнокомандующему Бѣлоруссіею, графу Чернышеву, подать къ себѣ списовъ всѣхъ служащихъ по выбору отъ дворянства, новыхъ своихъ подданныхъ, и пожаловала ихъ чинами тѣхъ степеней, какія они, по выбору, заурядъ занимали. Такимъ образомъ, не одному хоронжему, или простому шляхтичу досталось въ рангъ подполковника, то-есть въ надворные совѣтники.

Забавно было слышать, какъ многіе изъ пожалованныхъ, непривыкшіе къ чинамъ россійскимъ, приходя въ намѣстническое правленіе, спрашивали насъ, служащихъ: «что такое титулярной совѣтникъ? что такое надворной совѣтникъ?» Я былъ — одинъ говорить — подстолій», другой: «мостовничій»... «коморникъ ржечицкій»... «мечникъ стародубовскій»... «реентъ опмянскій»... и проч. «За что у насъ вычитаютъ изъ жалованья, ежели насъ подарили чинами?» и проч.; а предсѣдатель верхней расправы г. Курчъ предлагалъ на разрѣшеніе каждому, кто хотѣлъ его слушать: «говорять, что я въ рангѣ подполковника. Гдѣ-жь мой полкъ?»

Природные россіяне, служащіе отъ короны, не имѣли причины дѣлать подобныхъ вопросовъ. Имъ ничего не дано; а причиною тому архіерейской крестъ, или игра случая. Предъ выѣздомъ, императрица пожаловала брилліантовой крестъ могилевскому епископу Георгію Конискому, и поручила его князю Потемкину, а князь, вынесши въ залу, вручилъ его графу Чернышеву, яко бѣлорусскому генераль-губернатору, для доставленія къ преосвященному; но графъ, не отступая ни на волосъ отъ службы, въ которой состарѣлся, спросилъ князя: по какимъ ар-

тикуламъ осмѣливается онъ, будучи генераль, приказывать фельд-маршалу? Князь хотя отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ это не по долгу генерала, но, по долгу генераль-адъютанта, исполняетъ повелѣніе императорское; однако-жъ графъ, между тѣмъ, такъ небережно положилъ на столъ крестъ, что онъ отъ одного края до-бѣжалъ до другого.

Нѣтъ сомнѣнія, что ревнивость къ милостямъ императорскимъ давно уже сдѣлала изъ взаимными непріятелями; но какъ бы то ни было, крестъ пролежалъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока графъ, бросивши *) нѣсколько своихъ зарядовъ на князя, вспомнилъ приказать своему генеральсѣ-адъютанту Вязмитинову отнестъ его къ преосвященному, гдѣ онъ принятъ былъ безпрекословно и, безъ сомнѣнія, съ лучшимъ уваженіемъ, нежели какое оказали къ нему генералы, незнающіе богословія.

За симъ, графъ остался въ претензіяхъ. Князь его не уважилъ. Государыня, узнавши, была недовольна графомъ, безъ сомнѣнія не за вопросъ, или поступокъ, но что не-въ-пору хотѣлъ поддерживать порядковъ службы.

Все сдѣлалось скучно! все уныло! и списокъ, поднесенной отъ графа о наградѣ служащихъ отъ короны, утонулъ въ волнахъ, воздвигнутыхъ сердитыми богами вѣтровъ.

Всѣ исторіографы, хронографы, моралело-графы, и все то, что кончится на графы, согласно увѣряютъ, что многія великія въ мірѣ происшествія или перемѣны **) случились не отъ важнѣйшихъ причинъ.

Выѣздъ государыни-императрицы изъ Могилева былъ предъ полуднемъ, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ и при валомъ стеченія городского народа, ибо не долженъ я пропустить, что бѣлорусскіе жители, почти всѣхъ состояній, — исключая любопытныхъ жидовъ, когда у нихъ не саббасъ, — смотрятъ на великой и малой предметъ, на печальной и радостной, съ кошечьимъ равнодушіемъ и совсѣмъ не имѣютъ той пріятной наружности, которая рождается отъ внутреннихъ движеній, при случаѣ отличныхъ предметовъ.

Съ государынею въ каретѣ сѣли: императоръ, министръ его

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «выстрѣливши».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «самыя важнѣйшія въ мірѣ моральныя и политическія перемѣны».

Ред.

графъ Кобенцель, придворная дама, ежели не ошибаюсь, графиня Браницкая, сестра князя Потемкина, — Александръ Дм. Ланской и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Очень понятно, что карета была не меньше моего кабинета, въ которомъ я теперь пишу. А графъ Чернышевъ, яко хозяинъ губерніи, скакалъ передъ окномъ верхомъ. По выѣздѣ же за ворота — ахъ нѣтъ! за шлафъ-баумъ! — государыня позволила ему сѣсть въ его карету.

Мнѣ хотя нельзя было гѣшему догонять экипажей, чтобъ быть очевидцемъ, когда графъ садился въ карету, однако-жъ, сказали тѣ, которые тамъ были; и имъ можно вѣрить.

30 верстъ отъ Могилева, въ извѣстномъ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ Шкловѣ, владѣлецъ онаго, генераль-маіоръ Зоричъ, готовъ уже былъ давно принять вѣнценосныхъ гостей торжественно. Ублагодѣтельствованный и получившій все, что имѣеть, отъ щедрыя императрицы, не щадилъ онъ ничего. Обѣдъ, ужинъ, маскарадъ, театръ, фейерверкъ, кадетской корпусъ, основанный и содержанный его иждивеніемъ, многочисленной сѣздъ*) во всемъ Шкловѣ дворянства, словомъ: все было у хозяина одушевлено. Государыня имѣла у него ночлегъ; а графъ Чернышевъ неучаствовалъ въ зрѣлищахъ. Онъ тотчасъ выѣхалъ впередъ, въ городъ Копысь, въ чему должность хозяина губерній была для него предлогомъ; въ самомъ же дѣлѣ, ссора съ Потемкинымъ мѣшала его удовольствіямъ.

По смерти императрицы, Зоричъ былъ потребованъ въ службу, пожалованъ генераль-лейтенантомъ, возвращенъ въ Шкловъ. По возвращеніи, театръ его велѣно разломать. Зоричъ разбитъ, Зоричъ боленъ и вскорѣ умеръ, имѣя лѣтъ околѣ 60 своего вѣка, не бывъ никогда ни дряхлымъ, ни скучнымъ. Кадетской корпусъ его велѣно перевести изъ Шклова въ Гродно, изъ Гродно — въ Смоленскъ, изъ Смоленска — въ Кострому. И имя Зорича, достойное вѣчной памяти, изгладилось на вѣки! Имя Зорича, надъ могилою котораго въ Шкловѣ надлежало-бы поставить мраморной монументъ, съ приличными, учрежденному и содержанному имъ на собственномъ иждивеніи кадетскому корпусу, символами; корпусъ наименовать Зоричевскимъ и, по до-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «собраніе».

стохвальному патріотическому намѣренію повойнаго, насажденія его содержать вѣчно изъ доходовъ шкловскихъ, ограничивъ кадетовъ тѣмъ самымъ количествомъ, которое нашлось при смерти его. Но люди людей не всегда награждаютъ математически. Какъ бы то ни было, чувствительные люди говорятъ, что сердце имѣеть свою математику, которая такъ же вѣрна, какъ и классическая. Сія-то сердечная математика сдѣлала Зоричу, давно уже покоившемуся въ землѣ, приличное погребеніе. Ибо, лишь только извѣстно стало, что корпусъ переводится изъ Шклова въ Гродно, родители и сродники воспитывающихся въ немъ, изъ разныхъ губерній *), наводнили приѣздомъ своимъ цѣлой Шкловъ.

Насталъ день выхода. Всѣхъ кадетовъ было болѣе двухъ-сотъ, которымъ надлежало выйтись въ церемоніальномъ маршѣ. Пошли прежде въ церковь. Каждой сродникъ, сродница, родители, пріятели родителей и родственниковъ туда же тѣснились, не желая спускать съ глазъ толь близкаго ихъ сердцу. Всѣ растроганы и приготовлены уже были въ слезамъ. Въ такомъ распахѣ, нападаетъ на нихъ ученой протоіерей Александръ Стариньевичъ; онъ восходитъ на кафедру, говоритъ приличное сему случаю слово, и возглашаетъ: «Возстани, Зоричъ! воззри на виноградъ, тобою насажденный! Ты въ жизни своей говаривалъ, что не имѣешь кому оставить дѣтей твоихъ! Се, монархъ пріемлетъ ихъ подъ свой покровъ и ввѣряетъ ихъ руководству избраннаго имъ мужа — указывая на генераль-маіора Кетлера». Тутъ природа явила себя въ собственномъ видѣ, безъ прибавокъ и безъ украшеній театральныхъ. Родители, сродники, друзья ихъ, схватили юныхъ за головы, и всѣ до единой души мужчины, женщины, малолѣтныя, молодые, зарыдали въ голосъ. Много стоило труда кончить проповѣдь, останавливавшемуся по сей причинѣ проповѣднику, а больше того вытти всѣмъ изъ церкви. Маршъ съ музыкою и съ барабаномъ всѣ слышали, но нието не исполняли, и г. Кетлеръ имѣлъ благоразуміе уступить, на долгое время, движенію сердець. Потомъ, во весь остатокъ дня и цѣлую лѣтнюю ночь слышанъ только былъ непрерывной громъ экипажей, по большой дорогѣ въ оба пути,

*) Въмѣсто зачеркнутого: «изъ пяти ближайшихъ губерній». Ред.

подобно какъ въ столичномъ городѣ, по улицамъ, чрезъ шесть верстъ отъ Шелова до деревни Каменки — Мурованка — гдѣ остановился корпусъ на кантониръ квартирахъ*). Чрезъ все сіе время и разстояніе, имя Зорича переносилось громогласно отъ одного къ другому, сопровождаемо выраженіемъ нѣжныхъ чувствованій и благодарности».

Все сіе написалъ я по словамъ одного самовидца сего происшествія, который имѣлъ въ корпусѣ двухъ племянниковъ.

Вѣчная тебѣ память, благодѣтель Зоричъ! долженъ и я отрыгнуть сердцемъ. Прими слезы чувствительной благодарности, пролитыя невольно надъ моими строками. Быть можетъ, что въ чувствительности сей участвуетъ и собственной мой интересъ. Но что же въ родѣ смертныхъ есть безъ интереса? Да не онъ-то ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? — міра моральнаго, натуральнаго и политическаго **). Зоричъ, и изъ моихъ четырехъ питомцевъ, одного воспиталъ на своемъ иждивеніи, которой теперь служить съ похвалою отъ начальниковъ и получаетъ отъ государя императора благоволеніе, и которой мнѣ собственной работы — занимающей его иногда, по охотѣ, сверхъ службы — прислалъ картину, съ такими символами, которыхъ достоинъ Зоричъ отъ многихъ губерній российской имперіи; ибо, хотя Голицынъ, Шереметевъ, Разумовскій и другіе многіе даже превосходятъ его въ благотвореніяхъ человѣческому роду, но при немъ преимущество то, что онъ почти всѣхъ ихъ упредилъ. Миръ твоему праху, благодѣтель бѣдныхъ и сиротъ, Зоричъ! Миръ твоему праху! а въ символъ колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понинъ еще не выplatился ***).

Уже, по препровожденіи государыни-императрицы изъ Бѣлоруссіи въ Смоленскую губернію, графъ, возвратясь и будучи на обѣдѣ у могилевскаго преосвященнаго Георгія Конискаго съ губернерскими чиновниками, и подтянувши съ ними несчадно у всещедраго владыки шампанскаго вина, сказалъ съ искреннимъ вздохомъ: «Друзья мои! за мною однимъ, и вы всѣ несчастливы».

*) Далѣе зачеркнуто: «или въ кампанетъ».

Ред.

**) Далѣе зачеркнуто: «и какъ кому пришло».

Ред.

***) Мѣсто это подвергалось авторомъ передѣлкѣ; оно находится въ рукописи въ концѣ страницы и отъ него нѣсколько словъ при переплетѣ отрѣзано.

Ред.

§ XXXVII.

Продолженіе.

По семь, вскорѣ, графъ выѣхалъ въ бѣлорусское свое имѣніе, Чечерскъ, а оттуда въ подмосковное, Ярополчъ. Пассекъ; губернаторъ, пожалованъ и взятъ въ сенаторы; на мѣсто его поступилъ вышесказанный мною вице-губернаторъ Енгельгардтъ, а на мѣсто его сѣлъ директоръ экономіи Черемисиновъ; въ директоры же совѣтникъ Веревкинъ, а на мѣсто его братъ его, Веревкинъ же, отставной флота капитанъ-лейтенантъ. Тако изволися Пассеку, который самъ для себя нацѣлилъ въ бѣлорусскіе генераль-губернаторы, что вскорѣ и получилъ; о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ, во свою пору.

Между тѣмъ, какъ все въ нашемъ могилевскомъ мірѣ переменяется, дни, недѣли, мѣсяцы протекаютъ и каждой отправляетъ свою должность, мы съ Луцевинымъ пользовались счастьемъ быть у всего начальства и чиновниковъ въ отличномъ и выгодномъ для насъ замѣчаніи. А дѣятельный Полянскій, наполняя праздное время и будучи 38-ми лѣтъ, влюбился въ дѣвицу фонъ-Бринь, и она въ него. Она была лѣтъ 24-хъ, слѣдовательно имѣла уже понятіе, для чего человекъ на свѣтъ родится, и забавлялась иногда представленіемъ на вольномъ благородномъ театрѣ лица несчастной любовницы. Потомъ, какъ будто согласно ея роли, бракосочеталась, по принужденію матери, не съ Полянскимъ, но съ генераль-маіоромъ фонъ-Бриньомъ-же.

Сей генераль былъ лѣтъ около пятидесяти и, по природѣ, такъ простъ и неопрятенъ, вакого не бывало еще отъ начала въ Россіи генераль-маіорскаго чина, хотя многіе мнѣ въ этомъ противорѣчили и называли легковѣрнымъ. Горячій и предприимчивый Полянскій, липась любовницы, ощутилъ всю жестокость рока и истину Сумарокова стиха:

Любовь пренятствіемъ и страхомъ возрастаетъ,
И въ крайность ввержена, на все, что есть, дерзаетъ.

Вслѣдствіе сего, составилось двѣ противныя партіи: съ одной стороны Полянскій, замужня ея любовница, и прочіе. Съ другой—фонъ-Бринь, поручикъ баронъ Феличь и прочіе. Завѣса поднялась: въ первомъ дѣйствіи, несчастная любовница и несчастная жена, во мракѣ горести, печали, утомленная тоскою,

вливаю въ грудь ея отъ матери родной, отчаянная, терзаемая всѣми лютостями, сколько ихъ на ту пору во всемъ мѣрѣ случилось, сдѣлала балетной скачекъ, прыгнула антраша!... и очутилась въ другой половинѣ дому пастора своего.

Г-нъ фонъ-Бринкъ проснулся. Проснулся натурально или морально, естественно или нравственно; историки и дикціонаристы, повѣствователи и словаристы на все соглашаются и ничему не противорѣчатъ. Они согласно удостовѣряютъ и о томъ, что онъ, проснувшись съ восходомъ солнца, охватилъ постель, кровать... обозрѣлъ спальню... идетъ въ переднюю, въ лакейскую, въ кухню. Пробуждаетъ одного за другимъ своихъ людей, спрашиваетъ: «Гдѣ генеральша?» и получаетъ единогласной отвѣтъ: «Не знаю». Онъ продолжаетъ шествіе въ садъ, въ бесѣдку, въ каретной сарай, отпираетъ дверцы у кареты, засматриваетъ въ повозки и возвращается въ спальню, гдѣ находитъ то же, что оставилъ, а генеральши нѣтъ.

Ежели можно вѣрить всему, что тогдашніе повѣствователи гласятъ, то сей простой генераль, будто бы, въ семь мѣстѣ восклинулъ: «Какая контра! Какая контро-дикція! Какая контра-рія! Кабая контро-позита! Каковой контр-астъ! Кабая противоположность! Я читалъ, что гдѣ-то, какой-то Тезей оставилъ какую-то Ариадну. Но, чтобы Ариадна оставила Тезея, этого нигдѣ не написано».

Домъ его отъ дома пасторскаго отдѣляла одна только широта узкаго переулка; но ворота пасторскія отъ воротъ его подалше, на заворотѣ, на большую улицу, называемую Вѣтреная. Въ домѣ происходитъ соматоха, часъ, два, три; наконецъ, какимъ-то способомъ узнали, и ему донесли, что ея превосходительство у пастора.

— Какъ такъ рано? и почему такъ поздно? спросилъ равнодушно генераль. Да что за моленье? скажите, чтобы она шла въ бесѣдку пить чай, кофе, шеколадъ.

Ему изъяснили, что она уже подъ безопаснымъ, при дверяхъ, конвоемъ, приставленнымъ отъ намѣстническаго правленія.

— «Да гдѣ ея двери?» спрашиваетъ Бринкъ.

Въ другой половинѣ пасторскихъ покоевъ, отвѣчаютъ ему.

— «Это неправда,—говоритъ недовѣрчивой Бринкъ. Я знаю

эту половину покоевъ; она пустая, запущенная, заброшенная посудою, пасторскими горшками и съ мукою мѣшеами.

Ему отвѣчаютъ: Она уже чисто меблирована, полъ потянуть сукномъ, и соблюдена во всемъ семитрія.

Еще Бринкъ не пересталъ сомнѣваться, какъ вошли къ нему: штабъ-лекаръ, Аврамъ Васильевичъ Бычковъ, со своимъ причетомъ и съ полицейскими. Они объявили, что имѣютъ отъ намѣстническаго правленія повелѣніе, съ прописаніемъ въ немъ просьбы молодой генеральши фонъ-Бринкъ, урожденной фонъ-Бринкъ, въ которой нетаить*) она, что мужъ ея лишенъ того небеснаго огня, по которому одному человѣкъ называется безсмертнымъ, и проч. Они кончили свое объявленіе требованіемъ, чтобъ г-нъ генераль-маіоръ и кавалеръ святаго Георгія, позволилъ себя освидѣтельствовать.

— «Да какъ такъ сошлось въ одинъ зарядъ? спрашиваетъ генераль, что и жена моя у пастора, и покои для нея меблированы, и просьба для нея написана, и намѣстническому правленію подана, и резолюція готова, и вамъ данъ указъ, и вы пришли меня свидѣтельствовать? И все это поспѣло отъ тѣхъ поръ, какъ я проснулся! Да у насъ, и въ полкахъ, такъ скоро не поворачиваются».

— Разрѣшеніе на всѣ вопросы—отвѣчаетъ Бычковъ—зависитъ отъ поспѣшнаго освидѣтельствованія, послѣ котораго, или генеральша останется въ правѣ защищаться законами въ домѣ непорочности, или вы получите обратно супругу въ свои объятія.

Генер.: Да нельзя ли безъ свидѣтельства?

Штабъ-лекаръ: Ни подъ какимъ видомъ нельзя, ваше превосходительство. Вы сами знаете, что мы имѣемъ указъ.

Между тѣмъ, генераль сближалъ уже руку къ штанному поясу; но вдругъ вскричалъ, какъ бы опомнившись, нечаянно: «Да, нѣтъ! можно и не свидѣтельствовать! такъ! точно такъ! можно, можно!— Я передъ свадьбою моею выдалъ мою дѣвку за парикмахера Гейслера. Подите къ нему и спросите: сколько его молодая жена привела къ нему дѣтей? Вы увидите тамъ троихъ, почти кажолѣтковъ. Подите-жъ, подите! а не то я васъ всѣхъ

*) Въсто зачеркнутаго: «писать она причины, препятствующія ей сожитію съ мужемъ».

переговоркою вотъ этимъ прикладомъ» — указывая на карабинъ, которой на стѣнѣ.

Весь свѣтъ вѣрить: чѣмъ человѣкъ простѣе, тѣмъ слова его вѣрнѣе. Испытатели естества Бринкова не разсудили дожидаться опыта сей вѣрности.

Итакъ, когда генеральша у пастора, когда дѣло ея въ на-мѣстническомъ правленіи, когда старая мать ея проклиняетъ Полянскаго, и когда Полянскій съ Бычковымъ и другими, а больше того одинъ, посѣщаетъ превосходительную затворницу, Бринкъ, со втораго этажа своего дома, видитъ всегда чрезъ пасторской заборъ, какъ Полянскій проходитъ чрезъ пасторской дворъ къ генеральшѣ, въ прибранные имъ для нея покои. Видитъ, и собирается самъ туда же итти, отломать Полянскому ребры, дабы здѣлать его неспособнымъ къ продолженію посѣщеній и къ производству по бумагамъ начатаго генеральшею дѣла. Но баронъ Феличь его недопускаетъ.

Поручивъ баронъ Феличь былъ лѣтъ Полянскаго, свойства бѣшенаго, и былъ всегда готовъ бить и рубить всѣхъ тѣхъ, кто ему не понравится. Полянскій давно уже подпалъ подъ гнѣвъ сего правосуднаго человѣка въ карточной игрѣ. И Феличь тогда же объявилъ ему непримиримую войну. — Онъ служилъ гусаромъ, бывалъ подъ судомъ, былъ разжалованъ, снова дослужился, и вышелъ въ отставку. Не покидая гусарскаго своего мундира, жилъ онъ по связи прежней службы, у Бринка, какъ пріятель, имѣющій нужду въ кускѣ хлѣба, и командовалъ генераломъ.

«Побойся Бога» — говоритъ онъ ему — «ты надѣлаешь въ городѣ шуму, навлечошь на себя бѣду. Слушай меня; я знаю, какъ удовлетворить справедливости твоего дѣла».

Воинъ война слушаетъ и отлагаютъ сраженіе; а Полянскій, не находя причины отлагать посѣщеній, обратилъ все годовое содержаніе на содержаніе особы, жертвующей ему всѣмъ безъ исключенія.

Порядокъ времени, котораго я держусь, требуетъ прервать повѣсть Полянскаго, и сказать о себѣ:

Я, въ іюнѣ мѣсяцѣ, взялъ отпускъ на 30 дней. Отѣхалъ на свою родину и приѣхалъ туда благополучно. Уже съ годъ, какъ дяди моего епископа Кирилла тамъ не было. Разныя въ жизни обуреванія, неразлучные спутники свойства невоздерж-

наго, права крутого и безпокойнаго, увлекли его въ отставку. Ему позволено имѣть, по желанію его, пребыванія въ Кіевомихайловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ, можетъ бытъ, желалъ найти то спокойствіе, которое ощущалъ, проводя тамъ юношескіе свои лѣты. Но время ничего уже для него не оставило! и въ правленіе монастыря ему не дано; а пенсіи опредѣлено только по 300 р. на годъ.

Я хотя обрадовался, найдя мать мою въ добромъ здоровьѣ и въ тишинѣ монастырской жизни, однакожь, думаю, что больше ее обрадовалъ. Разпознаватели человѣческихъ сердець, бывшіе хорошими дѣтьми и хорошими родителями, удостовѣряють, что любовь родительская къ дѣтямъ имѣетъ большой перевѣсъ, въ разсужденіи дѣтской любви къ родителямъ.

Я почелъ за приличное побывать съ почтеніемъ у преемника моего дяди, епископа Амвросія *). Онъ благосклонно меня принялъ, и я видѣлъ въ немъ особу достойную своего сана**). Онъ пожелалъ отъ меня узнать о обрядахъ принятія***), бывшихъ въ Могилевѣ, при случаѣ бытности государыни императрицы и императора Иосифа II и проч..... И я удовлетворилъ его преосвященство, сколько чего могъ припомнить.

Потомъ, настояла надобность выхлопотать отъ должника Москвитинова деньги, дабы не имѣть необходимости каждагодно къ нему приѣзжать.

Мать моя, смотря единожды на меня и на всѣ мои заботливости прискорбнымъ лицомъ, сказала мнѣ: «уже ты ко мнѣ не приѣдешь, и я тебя уже не увижу!»

— «Почему же матушка?»

— «Я вижу это по твоимъ приготовленіямъ». Сказавъ сіе, она зарыдала; и мгновенная перемѣна лица ся обнаружила, сколь глубока была внутренняя печаль ея, отъ воображенія не видать никогда сына.

Я долженъ былъ утѣшать ее увѣреніемъ, что я такимъ же образомъ буду къ ней приѣзжать изъ Бѣлоруссіи, какъ уже и

*) Епископъ Амвросій былъ потомъ крутицкимъ, а потомъ казанскимъ; а наконецъ митрополитомъ новгородскимъ и санктпетербургскимъ. Г. Д.

***) Въсто зачеркнутаго: «со нравственностію простого».

Ред.

***) Въсто зачеркнутаго: «и наружныхъ приемахъ».

Ред.

приѣзжалъ два раза. Но-увы! матернія предчувствія не ошибаются. Она предвѣщала правду, а я обманывался.

Напоследокъ, походя по тѣмъ роцамъ, окружающимъ домъ архіерейскій, кои долговременно веселили мою юность, и простая съ родительницею, отѣхалъ въ Бѣлоруссію въ третій разъ, ави Колумбъ въ Америку, съ тѣмъ только различіемъ, что я не доросъ до Колумба, а Бѣлоруссія до Америки, исключая простой бѣлорусской народъ, которой очень похожъ на американцовъ колумбовыхъ времянь.

Умѣренное, или, лутче сказать, недостаточное состояніе мое отвлекало меня отъ времени до времени отпроситься еще въ отпускъ для свиданія съ матерью. — Я согласенъ съ людьми просвѣщенными, а еще больше самъ съ собою, не вѣрить снамъ. Но замѣчать все, всякому позволяется. Уже въ 1788 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вижу во снѣ: будто я вхожу въ келью матери моей и вижу ея при задней стѣнѣ кельи, на кровати лежащую, больную, и говорящую мнѣ слабымъ голосомъ: «для чего ты прежде ко мнѣ не приѣхалъ?» Печальное сновидѣніе занимало чувствительность мою и возбуждало въ снисканію удобнаго времени и способовъ побывать у матери. Но чрезъ нѣсколько дней получаю изъ Сѣвска письмо о смерти ея.

NB. Катихизисъ запрещаетъ вѣрить снамъ; но священное писаніе говоритъ: «Ангель Господень во снѣ явился Іосифу глаголя»; и проч....

Продолженіе приключеній Полянскаго.

Возвратясь въ Могилевъ, видѣлъ я дѣла Полянскаго въ такомъ положеніи, что дѣло жены съ мужемъ пошло уже правомъ и порядкомъ консисторскимъ, о формальномъ разводѣ.

Полянскій и генеральша не желали бы ни на часъ, ни на минуту разлучаться; но служба Полянскаго требовала пребыть ему нѣсколько часовъ утра при должности въ намѣстническомъ правленіи, которое время казалось обоимъ черезъ-чуръ долго, а разстояніе полуверсты казалось безконечнымъ. Для сокращенія того и другого, настояла нужда учредить курьера, которой бы въ эту пору, отъ одной особы къ другой, переносилъ взаимные билетцы, или рапортиціи о благополучномъ состояніи, и проч.... Пасторской тринадцати-лѣтній сынъ признанъ достойнымъ сей

довѣренности. Ему обѣщано доставить вскорости оберъ-офицерскій чинъ. На сей конецъ, принять онъ и въ число канцелярскихъ намѣстническаго правленія служителей. — Слушайте, слушайте! такъ кричатъ въ парламентахъ англійскихъ.

Въ одно изъ многихъ утро, маленькой Меркурій не доставилъ депешки. Любовникамъ не трудно было догадаться, кто имѣлъ нужду перехватить ихъ естафету. Сомнительно по сей день, въ самомъ ли дѣлѣ баронъ Феличь говорилъ, обольстилъ, согласилъ пасторскаго сына, или отнялъ у него насильно карточку, посланную отъ генеральши въ Полянскому — или же самъ пасторъ, наскучивши представлять въ семь критическомъ дѣйствіи неприличное званію его лицо, приказалъ своему сыну отдать ее Бринку? Но для Полянскаго все равно, какимъ бы образомъ она въ Бринку ни попалась. Полянскій, тотъ-же часъ, велѣлъ пасторскаго сына задержать въ канцеляріи намѣстническаго правленія подъ карауломъ, яко подчиненнаго себѣ канцелярскаго служителя.

Сіе мѣсто и другія нѣкоторыя не дѣлаютъ чести уму Полянскаго; но ежели на всякаго мудреца довольно простоты, то почему же и любовникамъ не впадать въ дурачество?

Вслѣдствіе сего, я былъ самовидецъ, какъ пасторъ съ пасторшею, схватившись рука объ руку, бѣжали послѣ полудни изъ улицы въ улицу, какъ испуганные, къ губернатору Енгельгардту, просить правосудія противъ Полянскаго. Но губернаторъ не рѣшился освободить сына ихъ изъ-подъ караула, опасаясь Полянскаго, какъ такого бойчака, противъ котораго ни створить, ни дѣлать ничего нельзя, никакому рядовому губернатору.

Что же осталось дѣлать родителямъ? Они, безъ сомнѣнія, спросились съ собственными сердцами и вбѣжали въ канцелярію намѣстническаго правленія, гдѣ сынъ ихъ былъ подъ присмотромъ сторожа — это уже было предъ захожденіемъ солнца — схватили его подъ оба плечи, и потащили такъ, что нельзя было отгадать, повели-ль они его, или понесли? сопровождая все сіе дѣйствіе непрерывнымъ крикомъ по-нѣмецки, по-французски и по-русски.

Они кричали: «геръ Полански, ле каналъ Полански, а мадамъ Демида, рука съчь Полански, женераль-полицмейстеръ Чичеринъ, а Петербургъ, а сенатъ». — Это значить: что Полянскій, въ Петербургѣ, увезъ отъ г-на Демидова жену, и за дерзновенные по

сему дѣлу отвѣты, на данные ему генераль-полицмейстеромъ Чичеринымъ вопросы, сенатъ присудилъ отрубить ему руку. О чемъ яснѣ скажется на своемъ мѣстѣ.

И крикъ ихъ былъ смѣшанъ съ неистовствомъ дивихъ, которые полонили своего непріятеля и ведутъ его изжарить и сѣсть.

Итакъ, любовники, будучи встревожены неполученіемъ билета, передачею его въ руки непріятеля, сдѣлали еще вдобавокъ для себя врагами тѣхъ, въ домѣ которыхъ надобно жить. Обстоятельство, которое для нихъ ничего добраго не обѣщало; и ошибкой на изобрѣтенія и на промахи Полянскаго духъ не успѣлъ еще ни на что рѣшиться, какъ получаетъ онъ изъ Петербурга извѣстіе, что дѣло о разводѣ генерала съ женою идетъ, по желанію Полянскаго, счастливо и что скоро его поздравятъ съ благополучнымъ окончаніемъ. — Что, и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ воспослѣдовало. Какая перемѣна съ тревоги на спокойствіе! съ печали на радость.

Уже любовница начала изрѣдка выѣзжать въ надежнѣйшіе дома, и у нея появились посѣтители, посѣтительницы, и вечернія бесѣды. Не имѣя ни съ какой стороны опасности, не имѣли уже нужды и въ страхѣ, тѣмъ болѣе, что, по законномъ рѣшеніи дѣла, и пасторъ могъ безнарекательно продолжать свое покровитель-ство.

А Бринкъ остался съ перехваченнымъ въ рукахъ билетомъ, котораго не умѣлъ, или не успѣлъ употребить въ свою пользу противъ жалобы, принесенной на него генеральшею въ томъ, что онъ плохъ.

Въ такомъ пріятномъ положеніи дѣлъ, Полянскій не опасаясь ничего, отъѣхалъ почтою съ однимъ слугою, во Мстиславль-ской или Черевковской уѣздъ, не помню къ кому и для чего. На третій или четвертый по выѣздѣ его день — слушайте-слушайте! — послѣ полудни часа около пятого, роздался по всему городу слухъ, что Полянскаго привезли избитаго и едва живаго, а нѣкоторые говорили: мертваго. Мы съ Луцевинымъ спѣшили уже туда, гдѣ бы узнать о вѣрности слуха, какъ встрѣтилъ насъ посланной отъ Полянскаго по Луцевина; ибо Луцевинъ, въ бумагахъ штатскихъ, Полянскимъ былъ употребляемъ, такъ какъ я — въ партивулярныхъ.

Луцевинъ нашель у него штабъ-лѣвара Бычкова и другихъ.

Полянскій лежалъ безъ движенія въ постелѣ, и едва слышимымъ голосомъ сказалъ ему: «другъ мой, напиши отъ меня челобитную по формѣ въ намѣстническое правленіе, что я сегодня измученъ на дорогѣ злодѣемъ Феличемъ и его сообщниками, посланными отъ Бринка. Ежели я и не останусь живъ, такъ—по крайней мѣрѣ—здѣлаю злодѣяніе гласнымъ».

Послѣ сего—говорилъ Луцевинъ—здѣлался онъ столько похожъ на умирающаго, что штабъ-лекаръ Бычковъ, которой къ нему имѣлъ дружескую привязанность, не зналъ что думать, однако-жъ, по совѣту подошедшаго туда же дивизіоннаго доктора Кебеке, отворили ему кровь.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, медики объявили, что надежда къ жизни несомнительна; но на выздоровленіе потребно неизвѣстное время.

Нѣкоторые изъ пріязни, а нѣкоторые изъ любопытства, сѣлись его видѣть, въ числѣ которыхъ случилось и мнѣ быть. Архіепископъ могилевскій Георгій Конисскій, также его посѣтилъ. Онъ, какъ человекъ ученой, почиталъ всегда его дарованіи. Больной, кромѣ зрѣнія и языка, почти ничѣмъ еще не владѣлъ; онъ рассказалъ слабымъ голосомъ слѣдующее:

«Лишь только я вѣхалъ въ большой лѣсъ, то появился передъ моею коляскою Феличъ, самъ - третьей верхами. Они были всѣ вооружены. Онъ заградилъ мнѣ дорогу, и закричалъ: «ну герой могилевскій! теперъ ты въ моихъ рукахъ. Берите его». Я держался сидѣть въ коляскѣ и отвѣчалъ ему: «баронъ! ты будешь несчастливъ, а если хочешь быть правъ, то раздѣлайся со мною такъ, какъ принято въ Европѣ между людьми благородными; ты имѣешь пистолеты, дай мнѣ одинъ». Они, не слушая ничего, прискочили къ коляскѣ, и двое изъ нихъ соскочили съ лошадей, чтобъ меня вытащить. Я схватилъ мой штуцеръ и приподнялся, чтобъ выстрѣлить на злодѣя. Но я того не вѣдалъ, что за коляскою моею, по сторонамъ, стояли еще два злодѣя, одинъ изъ нихъ хватилъ меня привладомъ по рукѣ и по штуцеру, и однимъ ударомъ руку мнѣ прибилъ и штуцеръ вышибъ; а другой, въ одинъ почти замахъ съ первымъ, далъ такой же ударъ по затылку. Въ сіе мгновеніе повазалось мнѣ, что я стою выше лѣса, тутъ уже стоило имъ только поднять меня, ибо я противиться не могъ. Злодѣи потащили меня въ лѣсъ, и тамъ

отбили мнѣ плечи, руки, спину, а особливо бедра и ноги, толстыми плетьюми, какими калмыки усмиряютъ своихъ лошадей. Непонятно—окончалъ Полянскій, — какъ чловѣкъ можетъ не умереть, перенося столько неизвѣстнаго мученія».

Штабъ-лекаръ взялъ его за пульсъ, и преосвященный, очень ко времени, принялся утѣшать его елеемъ духовнаго врачеванія.

Ему поднесли челобитную; его приподняли, и онъ съ помощью другихъ, поддерживавшихъ кисть его руки, могъ только написать свое имя: «Василій Полянскій», которое на себя было не похоже и не было бы достойно вѣры, еслибы не было при томъ свидѣтелей.

Нужда настояла, въ намѣстническое правленіе, на мѣсто Полянскаго, командировать предсѣдателя верхней расправы Ахшарумова, потому болѣ, что и первой совѣтникъ правленія г. Сурминъ давно уже лежалъ въ параличѣ.

Полянскій, чрезъ нѣсколько недѣль, вспомнилъ о своей челобитной. Ему принесли ее съ надписью, въ которой сказано: что, онъ употребилъ въ ней бранныя слова, называя злодѣями тѣхъ, которые его на дорогѣ измучали и изувѣчили, и что онъ, Полянскій, «не долженъ выступать изъ предѣловъ права челобитчика». Ахшарумовъ и губернаторъ Енгельгардтъ злобились на Полянскаго за то, что его боялись. Они, при настоящемъ случаѣ, имѣя въ рукахъ весло правленія, заблагодарасудили онымъ его добывать.

Полянскій, получа обратно челобитную, послалъ ее въ сенать. Сенать прислалъ, въ указѣ, намѣстническому правленію строгой выговоръ за то, что оно, говоря о несоблюденіи формы челобитенъ, позабыло о важности злодѣянія. Бринкъ тѣмъ же указомъ исключенъ изъ службы, и велѣно его и Фелича отослать въ Ригу, гдѣ наряжена для нихъ коммиссія военнаго суда. Бринкъ со всѣми сообщниками отправленъ, а Феличь скрылся, но, по произведеніи публикѣ, пойманъ и отправленъ туда же за карауломъ.

Судъ производился очень долго, а между тѣмъ, помню я, какъ, Бринкъ присылывалъ въ Могилевъ съ довѣренностями продавать разныя изъ дому своего вещи; а наконецъ продалъ и домъ. Проживши все, дожилъ онъ до послѣдняго сертува съ продраными локтями. Въ такомъ видѣ—какъ всѣ знавшіе и видавшіе

его говорили—ходя по ригскимъ переулкамъ, совѣстясь показаться въ дома и едва имѣя пропитаніе для поддержанія жизни, умеръ въ печали и въ совершенной нищетѣ. Не помню, что послѣдовало съ Феличемъ; безъ сомнѣнія, всѣ они съ соглашенными къ злодѣянію сообщниками, или погибли подобно Бринву участію, или подвержены были дѣйствию правосудія,—но человѣчку Полянскому какая польза отъ ихъ погибели?... Его ударилъ параличъ! Для помочи нужно было искусство, трудъ, время. Помогли, облегчили, но не излѣчили. Больной остался съ параличемъ.

§ XXXVIII.

1781 годъ.

Сей параграфъ начинаю я съ мѣста смѣхоплачевнаго, котораго былъ я зритель:

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ удара, и когда подали Полянскому облегченіе, проѣзжался онъ въ каретѣ по совѣту врачей и захотѣлъ видѣть товарища своего совѣтника Сурмина, которой уже съ годъ, какъ пораженъ былъ такимъ же ударомъ, и котораго Полянскій не видалъ со времени своихъ приключеній.

Надобно знать, что они другъ друга любили. Оба знали иностранные языки; но Полянскій, при остромъ умѣ и познаніяхъ, былъ свойства горячаго и неуступчиваго. Онъ, когда начиналъ кого осмѣивать, то плѣнялъ собою всю бесѣду, и самые друзья осмѣиваемаго не могли удерживаться отъ громкаго смѣха, потому что острота ума и самая истина были основаніемъ его насмѣшекъ. А такіе люди, извѣстно, ежели бываютъ почитаемы, то еще болѣе ненавидимы. Напротивъ, Сурминъ былъ человѣкъ важной, кроткой, мирной, терпѣливой, и за то былъ всѣми почитаемъ. Но былъ семьянистъ и бѣденъ. Сіе послѣднее, совокупно съ чувствительностью и тяжелымъ его тѣломъ, можетъ быть, и причиною было его удара. Онъ умеръ лѣтъ около 45-ти отъ рожденія.

Сурмину сказали: карета Полянскаго взѣхала на дворъ. Хозяинъ радъ гостю, выступилъ въ халатѣ въ большую залу, опираясь на толстую подпорку, а гость противъ его выступалъ изъ другихъ дверей съ подобною подпоркой и съ помощію служителя, одинъ и другой чуть двигались,—и оба хромали. Въ та-

кой позиціи, завидѣвши одинъ другого, ну хохотать со всѣхъ слабыхъ силъ; потомъ сѣли на софу, ихъ обложили подушками, и—смѣхъ ихъ обратился на горчайшія слезы! Насмѣявшись и заплакавшись, они начали разсматривать и дѣлить свои горькія участи.

Полянскій сказалъ: Я самъ всѣмъ моимъ бѣдамъ причиною, и прочее.

Совѣтница Сурмина, въ Полянскому: Что такое Василій Ипатичъ, я этой ночи видѣла во снѣ, будто я у васъ заклеиваю на зиму окна?

Полянскій: Ахъ сударыня! Я можетъ быть избѣжалъ бы многихъ золъ, еслибы вы мнѣ ротъ заклеили.

Поговора много подобнаго сему, разстались.

Иной, слушая эту исторію, можетъ быть давно уже готовъ закричать: «Да любовница-та по сю пору что? Что она дѣлаетъ?» Она горюетъ, плачетъ, терзается, сокрушается, проливаетъ часъ своего рожденія, и не хочетъ умереть, чтобъ не потерять любовника, которой чуть дышетъ. Впрочемъ, они жили почти уже совокупно; ибо разводъ сдѣланъ, и простой мужъ, за непростое злодѣяніе, былъ уже—какъ выше сказано—съ сообщниками въ Ригѣ подъ судомъ.

Въ такомъ положеніи Полянскій, поживъ еще нѣсколько мѣсяцовъ, видѣлъ, что безъ силъ, безъ здоровья, служить нельзя, а безъ службы, въ чужой для него губерніи, жить невыгодно.

Онъ взялъ отставку, и выѣхалъ съ любовницею въ казанскую свою отчину *). Изъ Казани ѣздилъ онъ съ нею, обвѣнчавшись, въ минеральнымъ водамъ. Возвратясь, похотѣлъ еще служить, и былъ совѣтникомъ въ казанскомъ намѣстническомъ правленіи, такъ онъ писалъ къ другу своему штабъ-лекару Бичкову.

Уже, въ 1798 году, въ бытность мою по службѣ изъ Витебска въ Черевовскомъ уѣздѣ, случилось мнѣ заѣхать на ярманку того же уѣзда въ мѣстечко Костюковичи въ зимнюю пору. Тамъ, увидясь съ незнакомымъ офицеромъ, которой, такъ же какъ и я, покупалъ для себя въ лавкахъ нѣкоторыя мелочи и узнавъ

*) Деревни его, какъ онъ самъ говорилъ, приносили ему денежнаго годового дохода 2,400 р., да сверхъ того, онъ имѣлъ мельницу въ самомъ городѣ Казанѣ.

нечаянно, что онъ казанскій помѣщикъ, спросилъ я его: «не знаетъ ли онъ тамъ помѣщика Полянскаго?»

— «Василія Ипатича? отвѣчалъ онъ вопросомъ. Какъ не знать, онъ у насъ былъ совѣтникомъ, а вы почему его знаете?»

«И у насъ онъ былъ совѣтникомъ въ Могилевѣ. Здоровъ ли онъ? живъ ли онъ? жена его?»...

— «Я уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ Казань по долгу военной службы. Не думаю, чтобъ онъ по сю пору былъ живъ. Я видѣлъ уже и тогда его въ крайней слабости здоровья; хотя онъ и ходилъ иногда безъ помочи служителя, однако-жъ и часто имѣлъ въ немъ нужду.

Офицеръ, видя что я желаю знать больше, отошелъ со мною въ ближнюю карчму и продолжалъ:

— «Полянскій имѣлъ уже двоихъ дѣтей, которымъ тогда было лѣтъ каждому, напр., отъ 7-до до 8-ми. Онъ, послужа у насъ совѣтникомъ одинъ годъ, сказалъ: «нѣтъ, видно уже я не слуга!» Получилъ отставку и жилъ въ деревнѣ. Тамъ онъ построилъ — не припомню въ домѣ или въ лѣсу — часовню. Поставилъ въ ней крестъ и гробъ, и часто въ нее хаживалъ, или одинъ, или водилъ съ собою малолѣтнихъ своихъ дѣтей. Тамъ онъ становился на колѣни, проговаривалъ нѣсколько молитвъ, которыя повторяли за нимъ его дѣти. Потомъ, приклонялся въ гробу, и въ семь положеній проводилъ нѣсколько минутъ, иногда въ глубокомъ молчаніи, а иногда въ слезахъ, и всегда оканчивалъ указывая на гробъ и говоря: «вотъ, дѣти, предметъ, для котораго человекъ на свѣтъ родится! Учитесь умирать, и будьте благодарумнѣе и счастливѣе вашего отца».

Такъ мнѣ разсказалъ казанскій дворянинъ, которой слышалъ это отъ жены Полянскаго, и котораго я, по непростительной ослѣпленности моей, не затвердилъ ни имени, ни фамиліи.

Можетъ быть кто спроситъ: «На какой конецъ заниматься столько повѣстью неважною, о неважномъ человекѣ, которой, кажется, ничего важнаго, или достойнаго объ немъ свѣдѣнія не сдѣлать? мало ли людей, которые даже и за добродѣтели страдаютъ? мало ли людей, которые одарены будучи соединенными силами природы и науки, дѣлаютъ иногда непростительныя ошибки?» и проч..

Отвѣчаю: Согласенъ. Но и то правда, что героическихъ

и привлекательныхъ чудесъ больше въ романахъ, а я пишу исторію. И мой герой былъ-бы великой человѣкъ, еслибы имѣлъ столько счастья, сколько ума, или столько осторожности и терпѣливости, сколько откровенности и смѣлости *). Французское образованіе его обезобразило. Оно хотя очищаетъ и возвышаетъ умъ, но портитъ сердце и воротитъ съ ворня добродѣтель, поселяя на мѣсто ея пороки, которые тѣмъ пріятнѣе принимаются, что преподаются отъ учителей, служащихъ не даромъ. Прибавимъ къ сему, что онъ былъ человѣкъ.

Онъ когда предпринималъ произвести въ дѣйство что-нибудь такое, что коснется его сердца, то рождалась въ немъ тогда же непобѣдимая своеобычливость, съ примѣсомъ безразсудности; безъ чего однако-жъ, говорятъ, человѣкъ неспособенъ къ произведенію и совершенію великихъ дѣлъ. Итакъ, натура и наука снабдили его нужными для великихъ дѣлъ запасами, но судьба не поставила его на своемъ мѣстѣ. Онъ говаривалъ: «Когда я въ какомъ дѣлѣ руководствуюсь собственнымъ разсудкомъ, то всегда оканчиваю начатое съ успѣхомъ (повидимому онъ, понадеясь на руководство собственнаго разсудка, отнялъ жену у Бринка, и проѣзжалъ чрезъ роковой для него лѣсъ). Когда же послушаюсь совѣтовъ другого, то всегда или проиграю, или сдѣлаю слабо. Я никогда себѣ не прощу,—говорилъ онъ, единожды шутя самъ надъ собою— что послушалъ любовницы, которая присоветовала увести себя въ каретѣ въ ту пору, когда я уже готовъ былъ ускакать съ нею въ кибиткѣ».

Здѣсь примкнулось то самое мѣсто, которое разсказать обѣщаль я въ прежней ремаркѣ. Полянской, возвратясь изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ, и будучи уже секретаремъ академіи, былъ и у сочиненія законовъ, подъ начальствомъ генераль-прокурора князя Вяземскаго. Изъ сочиненій его суть: статьи «о совѣстномъ судѣ и его должности», которыя составляютъ XXVI-ю главу учрежденія о губерніяхъ. Въ сіе время, какъ писалъ онъ о совѣсти, влюбился въ Петербургъ въ жену г. Демидова, и увезъ ее уже изъ города. Но когда полицейскіе на него настигли**), онъ выскочилъ изъ кареты на запятки, велѣлъ гнать лошадей, а самъ, обнажа шпагу, защищалъ двери кареты отъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго «уступчивости».

**) Въмѣсто зачеркнутаго «наскакали».

Ред.

Ред.

полицейскихъ чиновниковъ и служителей, призывая въ помощь духа Карла XII, подвизавшагося въ Бендерахъ, не съ меньшимъ или не съ большимъ основаніемъ разсудка.

Въ награду за храбрость, ему отвели квартиру въ караульнѣ при сенатѣ. Князь Вяземскій пожалѣлъ его: велѣлъ тамъ прибрать для него комнату. Но генераль-полицмейстеръ Чичеринъ, сдѣлавши ему честь личнымъ посѣщеніемъ, далъ ему по формѣ вопросныя пункты. Полянскій, не уважая почестей, написалъ въ отвѣтныхъ пунктахъ столь пространно, что дописался до вершины горъ, на которыхъ сами боги обитаютъ, творя подобная всѣмъ человѣкамъ. Сенатъ за это витійство наградилъ его приговоромъ: «отрубить ему руку». Но велика душа Великой Екатерины сильно смѣялась храбрости, оказанной со шпагою и съ перомъ. Въ тѣ поры отрывались во всей имперіи повременно намѣстничества, по законамъ ея. Бѣлорусскій государевъ намѣстникъ, графъ З. Г. Чернышевъ, выпросилъ у государыни Полянскаго на свой отчотъ, и помѣстилъ совѣтникомъ въ могилевское намѣстническое правленіе, при открытіи онаго. Императрица тѣмъ охотнѣе ввѣрила графу героя, что желала сберечь ему руку. А старой графъ увѣрялъ императрицу, что онъ и самъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ былъ похожъ на Полянскаго *).

Сіе повѣдалъ товарищъ его господинъ Сурминъ, которой, во время сего дѣйствія, служилъ въ штатской службѣ по сенату.

Вотъ потому-то и пасторъ съ пасторшею, оскорбленные за сына кричали — какъ выше сказано:— «геръ Полански, ле каналъ Полански, рука сѣчь Полански, а мадамъ Демида» и проч.

Уже въ 1802-мъ году начиталъ я о Полянскомъ въ печатныхъ перепискахъ Волтера съ Екатериною Великою. Въ первомъ письмѣ, отъ 25-го дня мая 1771 г. пишетъ г. Волтеръ къ императрицѣ:

«Въ пустынь моей теперь находится вашъ подданный г. Полянскій, уроженецъ Казанскаго вашего царства. Не могу я его довольно выхвалить за его вѣжливость, благоразуміе и признательность къ милостямъ вашего императорскаго величества» и проч.

Во 2-мъ письмѣ, отъ 3-го декабря: «Г-нъ Полянскій дѣлаеть

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «былъ таковъ-же какъ Полянскій». Ред.

мнѣ иногда честь своими посѣщеніями. Онъ приводитъ насъ въ восхищеніе дѣлаемымъ имъ описаніемъ о великолѣпнѣи двора вашего, о вашей снисходительности, о непрерывныхъ вашихъ трудахъ и о множествѣ великихъ дѣлъ вашихъ, кои вы, такъ сказать, шута производите. Словомъ: онъ приводитъ меня въ отчаяніе, что мнѣ отъ роду безъ малаго девяносто лѣтъ, и что я потому не могу быть очевиднымъ всего того свидѣтелемъ. Г. Полянскій имѣеть чрезмѣрное желаніе увидѣть Италію, гдѣ онъ могъ бы болѣе научиться служить вашему императорскому величеству, нежели въ сосѣдствѣ къ Швейцаріи и къ Женевѣ. Онъ сколько очень умный, столько и очень добрый человѣкъ, коего сердце съ истиннымъ усердіемъ привержено къ вашему величеству» и проч.

На сіе императрица отписала: «Господину Полянскому, принятому вами подъ ваше защищеніе, приказала я доставить деньги, потребныя для его путешествія въ Италію, и думаю, что онъ ихъ въ самый сей часъ получилъ» и проч.

Въ 3-мъ, отъ 11 декабря 1772 г.: «Я получилъ печальное извѣстіе, что тотъ Полянскій, который, по воли вашей, путешествовалъ, и котораго я столько любилъ и почиталъ, возвратившись въ Петербургъ, утонулъ въ Невѣ. Если это правда, то я чрезмѣрно сожалѣю. Частныя несчастія всегда будутъ случаться, но общее благополучіе вы устрояете» и проч.

Въ 4-мъ, отъ 3 дня января 1773 г.: «Г-нъ Полянскій увѣдомляетъ меня, что онъ не утонулъ, какъ мнѣ о томъ сказывали, но что онъ, напротивъ, въ тихомъ пристанищѣ, и что ваше величество пожаловали его секретаремъ академіи» и проч...

Вотъ кто былъ Полянскій! Его знали, знаемый цѣлымъ свѣтомъ знаменитый Волтеръ и Великая Екатерина! Знали не случайно, но по его достоинствамъ. А я за честь себѣ почитаю, что онъ меня и моего Лудевина отличалъ. И сей-то былъ Полянскій, который, при первомъ моемъ его узнаніи, кричалъ еще въ сѣняхъ — когда шелъ съ визитомъ къ Вязмитинову — Monseigneur!

Прошло еще 1781 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я, по представленію намѣстническаго правленія, опредѣленъ сенатомъ въ верхнюю расправу стряпчимъ, а Лудевинъ въ намѣстническое правленіе — секретаремъ. Графъ Чернышевъ, какъ будто дожидаясь

нашей переѣзны, переведенъ, по иманному повелѣнію, въ Москву главнокомандующимъ; а сенаторъ Пасекъ, бывший нашъ губернаторъ, получилъ, по преднамѣренію своему, бѣлорусское генераль-губернаторство, съ пособіемъ князя Потемкина.

Удивительно, какъ умы и сердца человѣческія соединяются въ одну точку, ежели гдѣ зрится неоспоримая истина. Въ продолженіе начальства графа Чернышева, всякой съ любочестіемъ, при надобномъ случаѣ, говаривалъ: «у насъ государевъ намѣстникъ графъ Чернышевъ». При переѣзѣ же его, всякое состояніе единодушно заговорило унылымъ тономъ: «уже у насъ не будетъ второго графа Чернышева». Помню я, какъ одинъ старой служивой подполковникъ, которой былъ тогда совѣтникомъ въ гражданской палатѣ, г. Квасниковскій, сказалъ: «слава-жъ Богу, что къ намъ Петръ Богдановичъ Пасекъ; еще мы не все теряемъ». Но не было никого, кто бы сказалъ, что мы ничего не теряемъ. Время показало, что общенародный голосъ и предчувствіе не ошибались **). Но возвратимся къ порядку повѣствованія.

Пасекъ, еще до приѣзда въ губернію, далъ знать намѣстническому правленію, чтобъ оно нашло для себя въ секретари другого и представило бы въ нему, для представленія сенату; а Лудевина онъ беретъ къ себѣ въ секретари.

По прибытіи въ Могилевъ, около начала 1782 года, потребовалъ онъ къ себѣ Лудевина и сказалъ ему: «я тебя обрекъ давно на это мѣсто, зная, что ты хорошо отправлялъ свою должность, когда я былъ здѣсь губернаторомъ; Полянскій не однажды мнѣ хвалилъ тебя».

Лудевинъ, возвратясь отъ него, пересказалъ мнѣ это, и сильно огорчался честью, которою удостоивали его, не посовѣтовавшись съ нимъ. Онъ не напрасно признавался, что не ловекъ былъ угождать великимъ особамъ, которыхъ велѣнія должно исполнять какъ божескія, и которыя иногда за неумышленное неисполненіе одного ихъ велѣнія *), уничтожаютъ въ одну минуту всѣ употребленные труды и заслуги.

«Напрасно ты такъ думаешь, — говорилъ я ему — ты изображаешь самаго дурного вельможу и самаго плохого секретаря.

*) Въ мѣсто зачеркнутого «прихоти».

Ред.

***) Отсюда до конца второй части впервые появляется въ печати. Ред. ●

Вы оба не таковы. А ежели-бы ты и принужденъ былъ переносить сколько-нибудь иго самонаравія, то противоположи ему то важное преимущество, что во всей имперіи ты будешь имѣть одного только начальника, которой при томъ силенъ составить твое счастье, и которой считается не дальше отъ государя, какъ между вторыми лицами».

Онъ согласенъ былъ съ моимъ мнѣніемъ, но горести вдругъ преодолѣть не могъ, и наконецъ сказалъ: «такъ и быть! надобно съ горя приняться за работу; авось-либо, второе отъ государя лицо сильно будетъ составить мое счастье!»

Раздѣливши съ нимъ, по обыкновенію, и смѣхъ и горе, разстались.

Пассекъ, принявши первыя поздравленія, первыя посѣщенія, осмотрѣвшись дома и взглянувши въ должность, первымъ деломъ поставилъ удовлетворить требованію природы, по сердечной экспедиціи. Онъ сыскалъ свою любовницу Марью Сергѣевну Салтыкову *) и малолѣтнаго сына — которой назывался, по отцовскому и по своему имени, Петромъ, а по нѣжности Пипинкомъ и Панушкомъ — и нѣсколько манежныхъ лошадей, съ конюшни смоленскихъ его деревень. Сія суть три струны, которыя были пріятнѣйшею въ жизни для его сѣрдца музыкою, и безъ нихъ онъ жить не могъ.

Я, не давая закоснѣть времени, выпросилъ отъ намѣстническаго правленія представленіе, съ помощью друга моего Дмитрія Романовича Чугаевича, **) къ генераль-губернатору Пассеку,

*) Марья Сергѣевна Салтыкова была дочь иностранной коллегіи секретаря Волчкова, жена маіора Александра Салтыкова. Она, въ самыхъ цвѣтушихъ лѣтахъ, разладилась съ мужемъ, и, въ такомъ горькомъ случаѣ, искала пособія и защиты по Петербургу. Пассекъ тогда былъ при дворѣ камеръ-геромъ. Онъ ей предложилъ свое покровительство, которое показалось для нея тѣмъ надежнѣе, что и онъ, разлада съ женою — изъ фамиліи Шафировыхъ — не меньше имѣлъ нужду въ покровительствѣ себя молодыми и пригожими женщинами. Сей случай двухъ горевавшихъ половинокъ, сочеталъ ихъ на всю жизнь.

Г. Д.

**) Дмитрій Романовичъ Чугаевичъ былъ учителемъ моголевской семинаріи, а по присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи, вступилъ въ статскую службу. При открытіи намѣстничества, помѣщенъ стряпчимъ въ верхнюю расправу; потомъ въ верхній земскій судъ, а меня помѣстилъ — долженъ сказать — онъ стараніемъ своимъ на свое мѣсто, въ такую самую пору, когда пріятель мой Лудевинъ, будучи еще секретаремъ намѣстническаго правленія, цѣлилъ, чтобъ я остался при прежней должности, единственно для того, чтобъ я у

со испрошеніемъ въ ономъ представленіи отъ него сенату, о повышеніи меня чиномъ титулярнаго совѣтника. Я предварилъ о семъ Луцевина. «Это будетъ случаемъ — говорилъ я ему — что вы, при докладѣ по бумагѣ обо мнѣ, напомните *) и о себѣ. И хотя вы однимъ чиномъ ниже, однако-жъ можете примолвить, что вы должность въ намѣстническомъ правленіи отправляли степенемъ выше меня. Итакъ, мы будемъ оба титулярными совѣтниками!» Луцевинъ все это умѣлъ употребить въ пользу. Мы оба представлены сенату, но въ разныхъ бумагахъ. Онъ о себѣ выпросилъ письмо отъ генераль-губернатора къ герольдмейстеру, а обо мнѣ ничего. Онъ произведенъ титулярнымъ совѣтникомъ изъ провинціальныхъ секретарей; а я, изъ губернскихъ, коллежскимъ секретаремъ.

Пасекъ любилъ пользоваться пріятностью годоваго времени, какая бываетъ подъ 53-мъ степенемъ сѣверн. шир., и любилъ всякаго рода удовольствія. Весеннее и лѣтнее время пробылъ онъ въ Могилевѣ, наполненномъ садами, окруженномъ лѣсами, кустарниками, полями. Часто, по вечерамъ, бывали у него собранія съ музыкою, дабы вкусить пріятность жизни Марьѣ Сергѣевнѣ и Панушкѣ. Карточная въ банкъ игра не была забыта. Столы нарядно-освѣщенные; при каждомъ служителѣ, дабы каждой игрокъ имѣлъ безъ затрудненія удобность: привазывать, требовать и довольствоваться всѣмъ тѣмъ, что ему угодно, кромѣ птичьего молока. Вообще, всякой игрокъ былъ хорошо принятъ, а особливо тѣ, которые имѣли честь быть съ хозяиномъ въ мотѣй, отлично были уважаемы; и если кто счастливъ былъ приобрѣсть ихъ благосклонность, за того слово ихъ предъ генераль-губернаторомъ имѣло полной вѣсъ.

По такимъ рекомендаціямъ, мало по малу, штатъ присут- него былъ въ командѣ. Эта несчастная черта была ему природна и для него неполучна. Она не разъ еще встрѣтится въ моей исторіи.

Чугаевичъ былъ мнѣ равнолѣтень, зналъ хорошо латинской языкъ и латинскихъ авторовъ, имѣлъ смыслъ чистой и рѣчь порядочную. Начальство и чиновники почитали въ немъ его достоинствы, и его уважали. Онъ принялъ меня во свою дружбу. Во многихъ случаяхъ былъ мнѣ весьма полезенъ, до самой его смерти. Но и самая смерть его — въ 1788 году — была для меня полезна тѣмъ, что я помѣщенъ на его мѣсто въ верхній земскій судъ, какъ будто въ награду моей объ немъ печали. О чемъ скажется ниже на своемъ мѣстѣ.

Г. Д.

Ред.

*) Исправлено вмѣсто «будете имѣть поводъ»

ственныхъ мѣстъ началъ замѣщаться, или игроками, или надобными для нихъ людьми. Первые были самые дурные по службѣ работники и самые лутчіе компаніоны. Вторые хотя могли знать свою должность, но были пролазы и подлецы, подставленные людьми, незнающими штатской службы. Таковъ былъ плодъ вечернихъ собраній!

А въ продолженіе дня, приказывалъ онъ подводить къ окнамъ своихъ лошадей, показывая ихъ каждому, кто хотѣлъ ихъ видѣть, а особливо гостямъ проѣзжающимъ. При семъ случаѣ, стоило только кому на кого угодно связать: что, вотъ тотъ-то имѣетъ лошадеу.... вятскую сѣренькую.... нагайскую кобылеу... парочку соловенькихъ, и проч. и тотчасъ владѣтель лошади получалъ дружеское требованіе: «поважи-ка, братецъ, поважи-ка». И, въ короткую пору, предъ окнами на улицѣ, являлась нечаянно маленькая лошадиная арманеа.

Пассекъ, препроводя такимъ образомъ весеннюю и лѣтнюю пору въ губерніи, отправился по первому зимнему пути въ Петербургъ, для перемѣны воздуха и для осмотрѣнія, не требуетъ ли укрѣпленія то мѣсто, на которомъ онъ сидитъ.

При выѣздѣ его, пошелъ я пройтись съ пріятелемъ моимъ Луцевинымъ. Онъ меня спросилъ: «что-жъ вы думаете съ недожалованнымъ чинкомъ?»

— «Что думать? — отвѣчалъ я — надобно износить чиножь.

«Попросите вы, по выѣздѣ нашемъ, Павла Артемьевича, чтобъ онъ написалъ объ васъ въ генераль-губернатору въ Петербургъ, а я до выѣзда такъ же излучу объ этомъ попросить. Онъ теперь у генераль-губернатора» *).

Я сдѣлалъ по совѣту Луцевина, и былъ произведенъ титулярнымъ совѣтникомъ, 1783 г. въ февралѣ, а Луцевинъ, изъ Петербурга, услужилъ мнѣ безъ просьбы и присылкою патента на сей чинъ, въ мартѣ мѣсяцѣ.

*) Павелъ Артемьевичъ Левашевъ былъ предъ первою, при Екатеринѣ Великой, противъ турковъ войною, при резидентѣ въ Константинополѣ Обрѣсковѣ, совѣтникомъ посольства. Потомъ вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и жилъ въ пожалованныхъ ему въ рогачевскомъ уѣздѣ деревняхъ. Онъ былъ великой мастеръ шутить на русскомъ и на французскомъ языкѣ—хотя и былъ уже въ то время лѣтъ за 50 своего вѣка. Память его была неизчерпаемой кладязь всего того, что съ нимъ встрѣчалоса въ жизни. А наиболѣе ловокъ былъ изъяснять любовныя повѣсти, безъ кото-

Между тѣмъ, пока Пассекъ возвратится изъ Петербурга, разскажу я одно дѣйствіе, произшедшее предъ прибытіемъ еще его на генераль-губернаторство, слѣдственно, по порядку времени, надлежало бы мнѣ написать его прежде.

Въ семь дѣйствій случилось и мнѣ сыграть свою роль. И хотя оно ничего въ себѣ отличнаго не заключаетъ, кромѣ легкомыслия, истекшаго отъ корыстолюбія, но поелику оно справедливъе, нежели какъ кто видѣлъ воскресеніе мертвыхъ, то и опишу я его точно такъ, какъ оно происходило.

§ XXXIX.

Кладорытіе.

Во единъ отъ дней, утру сущу, въ августѣ или въ сентябрѣ, приде ко мнѣ другъ мой, Дм. Р. Чугаевичъ, глаголя сице: «внимай любезной братъ! Счастье насъ ищетъ».

— Добро пожаловать.

«Клянись мнѣ: никому объ немъ не говорить, ни писать, ни изображать гіероглифами».

— Клянусь, что я это счастье схвачу въ охапку и не выпущу его, какъ-бы оно ни было близко.

Посмѣявшись оба на счетъ счастья, о которомъ я еще не слышалъ, сказалъ онъ мнѣ: «губернаторъ Ник. Богдан. Енгельгардтъ, не находя никого лутче, хотѣлъ поручить мнѣ теперешнюю комиссію. Я увѣрилъ его: что есть еще я лутче меня. Это вы. Онъ хотя не вдругъ *) повѣрилъ, однакожь напоследокъ **) подтвердилъ мой выборъ. Вотъ же вамъ и секретной губернаторской ордеръ», выхватывая изъ-подъ груднаго кармана.

Въ ордерѣ начиталь я: «могилевскаго губернскаго магистрата прокуроръ г. Подтавцевъ, удостовѣрясь отъ шляхтича Нор-

рыкъ никакая штука не играетъ. Онъ, приѣзжая часто въ губернской городъ, преврождалъ время у Пассека и талантомъ своимъ для него не скунился; а люди сихъ свойствъ—прибавя къ тому вѣкъ и заслуги отечеству—во всѣ времена и во всѣхъ народахъ, скорѣе выигрываютъ все, нежели тѣ важне философы, которые хотять, чтобъ ихъ почитали за древнихъ египетскихъ боговъ—что и въ самомъ дѣлѣ иногда съ ними случается.— Я сему космополиту такъ-же былъ не неизвѣстенъ, во въ некоторой гѣни, связующей воедино добрыхъ людей, а иногда шалуновъ и легкомысленныхъ. Sat. Sap. Г. Д.

*) Въсто «безъ труда?»

Ред.

**) Въсто «и самъ».

Ред.

Кевича, донесъ мнѣ секретно, о немалой и немаловажной поклажѣ, сокрытой въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Я предписываю вашему благородію, отправясь съ ними, вынуть оную поклажу изъ того мѣста, гдѣ они покажутъ, и меня объ ней предварительно и секретно увѣдомить чрезъ нарочнаго; о чемъ дано отъ меня и г-ну прокурору Полтавцеву обстоятельное секретное предписаніе», *) и проч. Николай Энгельгардтъ.

Во исполненіе повелѣнія, спѣшилъ я предъ полуднемъ въ квартиру Полтавцева, и горѣлъ любопытствомъ: гдѣ, и какими судьбами посылаетъ намъ Богъ кладъ, положенной неизвѣстно когда, неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно гдѣ?

Я нашелъ его при остаткѣ уже такого завтрака, предъ которымъ съ водкою и за которымъ съ виномъ поступлено было безъ всякаго послабленія. Съ шестеро ѣдуновъ были уже въ пол-пьяна.

Прокуроръ, завидя меня, подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, и обнимая кричалъ: «вотъ нашъ сотрудникъ! вотъ нашъ другъ! достойный секретныхъ препорученій!» Всѣ протчіе сдернулись изъ-за стола, и подходя ко мнѣ, въ такомъ положеніи какъ нашлись, иной съ ножемъ, иной съ вилкою, съ стаканомъ, съ салфеткою въ рукахъ, повторяли почти то же, чѣмъ привѣтствовалъ меня Полтавцевъ. Въ такой соматохѣ, говорить съ Полтавцевымъ о дѣлѣ было-бы напрасно. Я принялся добирать завтракъ, осматриваясь, чтобы, сверхъ завтрака, не сравняться во всемъ съ ними, поелику каждой изъ нихъ всесильно старался исполнять добродѣтель гостепріимства.

Отработавшись на тарелкахъ, не вытерпѣлъ я, чтобы не спросить Полтавцева тихонько: «мы имѣемъ секретное повелѣніе: за чѣмъ-же здѣсь другіе люди, кромѣ Норкевича?»

Отвѣтъ получилъ громогласной: «отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ».

И всѣ воскрикнули почти тоже, и всѣ принялись за стаканы горячего на дорогу пуншу.

Я, желая сколько-нибудь себя просвѣтить, спросилъ еще потише: «гдѣ нашъ кладъ? далеко ли намъ ѣхать? Норкевичъ какое имѣетъ основаніе своему донесенію?» и проч.

Полтавцевъ на всѣ вопросы со всѣхъ силъ закричалъ: «это

*) Въмѣсто «повелѣніе».

все наши пріатели. Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ». Я уже былъ во искушеніи, бѣжать къ г-ну Чугаевичу и изъяснить ему, что губернаторъ завлеченъ въ обманъ людьми сумазбродными и легкомысленными, которые на пунктѣ корыстолюбія съ ума сошли. Но вспомня, что я еще не вошелъ въ довѣріе остерегать губернатора, и что вся должность моя заключалась въ исполненіи его повелѣнія; къ тому-жъ, погода была хороша, а берлинъ о четырехъ полахъ и вибитка были уже заложены, рѣшился прогуливаться на чужой счетъ. Мы съ Полтавцевымъ и Норкевичемъ сѣли въ берлинъ, а два шляхтича въ вибитку, и отправились изъ города секретно, среди бѣла дня, на большую дорогу, лежащую къ городу Чаусамъ.

Отѣхавши верстъ съ 15, когда уже спутники мои поосвѣжились, спросилъ я Норкевича: «откуда онъ знаетъ о кладѣ, по которой мы ѣдемъ?»

— «Всѣ старые люди знаютъ, и увѣряютъ», отвѣчалъ онъ.

— «Изъ чего онъ состоитъ?»

Тутъ мой Норкевичъ замаялся; онъ силился изъяснить важность клада, но не зналъ какъ наименовать.

— «Если старые люди знаютъ, спросилъ я, такъ для чего-жъ они сами не выняли?»

Тутъ Норкевичъ еще больше напоролъ дичи.

— «Далеко ли еще намъ ѣхать?»

— «Верстъ съ двадцать, отвѣчалъ Полтавцевъ. Мы отъ Петровичъ *) повернемъ съ большой дороги въ деревню Смолки, а въ Петровичахъ истребуемъ, по силѣ губернаторскаго ордера, отъ управителя Вейделя лопатниковъ, и отправимъ ихъ чрезъ ночь въ Смолки, а сами у него переночуемъ».

По сему распоряженію прибыли мы на другой день въ Смолки, часу въ 9-мъ предъ полуднемъ. Остановились при дорогѣ, между церковью и карчмою, и при самомъ кладбищѣ.

Тутъ нашли мы нашихъ лопатниковъ, стоящихъ въ шеренгу съ заступами и лопатами, которыхъ, къ удивленію моему, насчиталъ я 40 человекъ; изъ чего уже не сомнѣвался, что секретное наше дѣло должно быть очень обширно, если обрабо-

*) Казенное селеніе, лежащее при большой дорогѣ, гдѣ и домъ почтовой. Послѣ оно подарено генераль-маіору Ермолову, а отъ него продано г-ну Яншину.

тивать его будутъ сорокъ секретарей. Я, ставши у берлина, разсудилъ ожидать, что будетъ? а Полтавцевъ и Норкевичъ пошли по полю... далѣ къ кустарнику.... ходять.... останавливаются, говорятъ между собою и ничего не показываютъ.

Скучивши ожиданіемъ, пошолъ и я къ нимъ. Они такъ-же повернули ко мнѣ на встрѣчу, и Полтавцевъ издали ко мнѣ заговорилъ: «скоро будетъ пора обѣдать, а у насъ еще ничего не готовлено».

— «Надобно объ этомъ позаботиться, отвѣчалъ я: да кладъ-та нашъ что?»

Норкевичъ отвѣчалъ: «треба шұкаць».

— «Поэтому вы не можете показать гдѣ онъ?»

«Отъ туцось подъ упadlo», указывая рукою на одно мѣсто.

— «Если по упалымъ и бугристымъ мѣстамъ заключать о кладахъ—сказалъ я—то можно взрыть цѣлой Чаусовской уѣздъ; а намъ, во избѣжаніе такихъ трудовъ, надобно знать точное мѣсто нашего клада, о которомъ знаютъ всѣ старе люди».

«Треба шұкаць», былъ послѣдній отвѣтъ Норкевичевъ.

Полтавцевъ отправился въ корчму, обнадеживъ насъ добрымъ обѣдомъ, а мы, походя нѣсколько времени тщетно, пошли туда же, и нашли его предъ пылающимъ каминомъ за разною огородною зеленью, мясами, птицами, съ ножемъ, съ кострюльками и горшками, препоясаннаго платкомъ вмѣсто фартука и требующаго наступательно отъ жида, корчмаря, всего того, что онъ имѣетъ самое лутчее. Жидъ извинялся, что у него не трактиръ, а обыкновенная корчма, однако-жъ, обнадеженъ будучи щедрою платою, исполнялъ усердно требованія. Мы съ Норкевичемъ хотѣли-было приняться, изъ вѣжливости, помогать нашему метрдотелю; но онъ не шуточно изъяснился, «чтобъ мы не вмѣшивались въ такое дѣло, котораго не разумѣемъ». Между тѣмъ, я принялся еще вопрошать Норкевича, не скажетъ ли онъ чего-нибудь хоть правдоподобнаго; но всѣ его отвѣты похожи были на прежніе, и комиссія наша, столько для насъ самихъ была секретна, сколько всѣмъ была извѣстна, такъ что даже никто изъ насъ не вѣдалъ, зачѣмъ мы сюда приѣхали*).

Обѣдъ нашъ стоилъ лутчей комиссіи; три или четыре блюда,

*) Слова начиная съ слова «такъ» зачеркнуты.

приготовленные изъ туземныхъ*) припасовъ, во вкусѣ малорос- сійскомъ, нельзя было промѣнять на супъ, макароны, кампотъ, спаржу, устрицы, биръ-супъ и супъ-вассеръ. Но Полтавцевъ, когда я хвалилъ его искусство, не былъ еще доволенъ своею стряп- нею; онъ на каждое кушанье указалъ, изъясняя, чего въ кото- рому недостаетъ; «но въ томъ, примолвилъ онъ, не его вина. Въ Смолвахъ надобно довольствоваться тѣмъ, что можно было найти у жида арендаря».

Послѣ обѣда Норкевичъ пошелъ на сѣно спать, а я началъ у Полтавцева допрашиваться: за что намъ приниматься? Для чего столь великое число истребовано работниковъ? за чѣмъ мы сюда приѣхали? и проч. Норкевичъ, говорилъ я, увѣряетъ, что старые люди его увѣряли. Черезъ сѣни противъ насъ, полная корчма мужиковъ разныхъ лѣтъ; спросите ихъ, о чемъ хотите.

Полтавцевъ подошедъ къ одному старику:—«что старинушка? давно ли на свѣтѣ живешь?»

— «А! ужъ лѣтъ сотцо съ горою**).

Я спросилъ его: «что-жъ ты на свѣтѣ помнишь? и что знаешь?».

— «Помню, якъ шовъ Піотръ Алексѣевичъ и Репнинъ».

— «Какихъ ты лѣтъ тогда былъ?»

— «Ужъ сидѣвъ на печцѣ, и чувъ якъ казали: царь-каже Піотръ Алексѣевичъ».

Я, смѣкнувши времена россійскихъ и шведскихъ въ Польшу походовъ, въ началѣ XVIII столѣтія, нашель, что старику нашему болѣ 70 лѣтъ, однако-жъ не сто слишкомъ.

Полтавц.: Скажи намъ что добринькое***).

Старикъ: Атъ, хвала пану Богу, коли панъ дастъ шаговку, подинькую****).

Полтавц.: А! его надобно покуражить.

Старикъ нашъ выпилъ, ему повторили. Онъ сѣлъ на лавку,

*) Прошу не взыскивать за наше родовое слово. Ежели мы знаемъ: ино- странецъ или пришлецъ, то должны знать и туземецъ. Такъ называли и писали наши праотцы славяне. (Библи). Г. Д.

**) Діалектъ бѣлорусскихъ мужиковъ. Значить: «лѣтъ со сто слишкомъ». Г. Д.

***) Точныя слова Полтавцева, которыя отъ сего случая и времени, вошли въ Могилевѣ въ пословицу и жили долго. Г. Д.

****) Когда баринъ покажетъ двукопѣчную мѣру вина, поблагодарю. Г. Д.

запѣлъ слабымъ и дряхлымъ голосомъ мужичью пѣсню, повалился и заснул!—Это было открытiе намъ клада. Между тѣмъ, проснулся и Норкевичъ.

— Показывайте-жь мѣсто, гдѣ кладъ? спросилъ я Норкевича.

— «Тутъ на кладбищѣ надобно его искать», отвѣтствовали они оба съ прокуроромъ.

Я совершенно былъ увѣренъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда роютъ для умершихъ, невозможно быть кладу, однакожь, чтобъ чѣмъ-нибудь кончить наше секретное препорученiе, принялъ команду надъ лопатниками, велѣлъ имъ стать попарно одному противъ другого, и рыть посаженно по всему кладбищу, кому гдѣ угодно, и гдѣ только можно.

Земля на кладбищѣ была рыхлая, слѣдственно для копки самая легкая. Въ остатокъ дня до вечера и на завтра въ цѣлый день, надѣлали мы громады шанцовъ, апрошей, цитаделей, крѣпостей, гласисовъ, въ такомъ совершенствѣ, каковаго не производили ни медвѣди, ни кроты. Мы нарыли костры костей, и даже воснулись мертвыхъ, недавно зарытыхъ, такъ что всѣхъ живущихъ въ окрестныхъ селенiяхъ привели въ ужасъ. Проѣзжающiе, останавливаясь при нечаянной сей встрѣчи, вопрошали съ трепетомъ: «Ахъ! что это такое?»

На третiй день, по утру, предложено было мною въ общемъ совѣтѣ на разсужденiе: что кладбище все взрыто, что мы уже болѣе не найдемъ, сколько нашли; что надлежитъ теперь опасаться чумы, особливо, если открытается сырая и мокрая погода, что мы все то здѣлали, что надлежало здѣлать чиновникамъ, удостоеннымъ секретной довѣренности и желавшимъ найти кладъ; что счастье не зависело отъ насъ; ибо извѣстно всѣмъ старымъ людямъ, что «кладъ не всякому дается», и что, во уваженiи всего того, не благоугодно ли будетъ секретной экспедици, дабы она благоволила приказать: все тѣмъ же порядкомъ зарыть, котормъ отрывали, а самимъ отѣхать домой, тѣмъ же путемъ, котормъ приѣхали, и донести его превосходительству г-ну губернатору, что, по общему мнѣнiю всѣхъ старыхъ корыстолюбивыхъ, легкомысленныхъ и суевѣрныхъ невѣжь, кладъ нашъ внизъ загремѣлъ.

Предложенiе одобрено общими голосами безъ всякой оппо-

зачи. Вслѣдствіе чего лопатникамъ дано приказаніе, отрытое зарывать и возвращаться по домамъ, а Полтавцевъ принялся за свое дѣло около камина и печи. Экспедиція наша имѣла заключеніемъ обѣдъ превкусной, и безъ нея не зналъ бы я о искусствѣ поваренномъ, которымъ обладалъ прокуроръ Полтавцевъ, не уступая славному греческому Аристиппу.

Въ Могилевѣ, любопытные насмѣшники и балагуры, узнавъ обо всемъ секретѣ, долгое время, при свиданьѣ съ нами, вмѣсто вопроса о здоровьѣ, вопрошали, а особливо Полтавцева: «Скажи намъ что добринькое», Норкевичу припоминали: «треба шуваць». Мнѣ совѣтовали пріятельски, заслугу мою помѣстить въ формулярный списокъ, а къ губернатору Енгельгардту вице-губернаторъ и директоръ экономіи приступали съ требованіемъ, чтобъ онъ казеннымъ работникамъ, четырехдесятымъ человѣкамъ, заплатилъ за три дни законную на каждой день поденщину.

§ XL.

Около сего времени я купилъ на краю города, при оврагѣ называемомъ Ребрь, противъ горы, называемой Мышьяковка, землю съ садомъ. Построилъ маленькой деревянной на каменномъ фундаментѣ, саженьяхъ на $4\frac{1}{2}$ въ каждой стѣнѣ, домикъ о 4-хъ покояхъ, пятой на верху*); а кабинетное окно далъ въ садъ. Домовыя принадлежности, какъ-то: баня, ледникъ и проч. соотвѣтствовали главному корпусу, котораго четыре покоя не меньше были 4-хъ вороньихъ гнѣздъ. Всѣ, кто хотѣлъ, хвалили мой вкусъ, мое расположеніе и выборъ мѣста, которое, съ лицевой стѣны, имѣло возвышенное положеніе, и представляя зрѣнію внизу часть города, представляло за тѣмъ луга, пески и лѣсъ. А равнина окружающая домъ съ трехъ сторонъ, осынилася моимъ и сосѣдними садами. Угодно-ль знать мѣру земли?— 26 сажень въ длину и 9 въ ширину; это здѣлаетъ квадратныхъ 286 саж., изъ коихъ 88 пошло подъ домъ и подворье**), а прочія остались подъ садомъ.

Возвратившемуся изъ Петербурга генер.-губернатору Пассеку понадобился человѣкъ, которой бы снялъ счетъ съ управляющаго смоленскими его деревнями, адъютанта Крюкова, и сдѣлавъ

*) Зачеркнуто «подъ крышею».

**) Вмѣсто зачеркнутого «дворъ».

описание всему, что надлежитъ описывать, сдать бы все въ вѣдомство и управление другому, его-же адъютанту Томашевскому. Луцевинъ, желая меня приблизить къ генераль-губернатору, доложилъ ему, что Добрынинъ человѣкъ способный къ исполненію препорученій, не исключая и владорытія.

Вслѣдствіе чего, являсь къ его высокопревосходительству, получилъ отъ него письменное и словесное наставленіе, и отправился съ Томашевскимъ, на коштѣ его высокопревосходительства, въ смоленскую его вотчину, называемую Яковлевичи.

По приѣздѣ нашемъ туда, истребовали къ себѣ тотъ-часъ домовыхъ должностныхъ: старосту, земскаго, ключника и проч. Объявили имъ господскую волю, что Яковлевичи имѣютъ новаго управителя; а прежнему поручили наветъ, по силѣ котораго долженъ онъ дать отчетъ, о чемъ его ни спросать, и потомъ явиться въ Могилевъ, къ настоящей своей должности адъютанта.

Въ теченіе недѣль двухъ, все здѣлано со всѣми подробностями, и къ генераль-губернатору бумаги отправлены. Ожидаемо было дальнѣйшей резолюціи, но Пассекъ, получа бумаги, позабылъ, что я въ Яковлевичахъ. А я, пользуясь случаемъ забвенія, бывалъ съ Томашевскимъ на обѣдахъ и прогулкахъ у сосѣднихъ дворянъ, и у его брата Ѳедора Богдановича Пассека, въ деревнѣ Беззаботахъ. У него бѣгивали по саду; и его любовница, Марья Ивановна, урожденная Ушакова, имѣя тогда цвѣтущій вѣкъ, имѣла привлекательную вѣжливость указывать намъ дорогу по садовому лабиринту, точно такъ, какъ Ариадна указывала Тезею. Самъ же Ѳедоръ Богдановичъ Пассекъ, будучи еще хотя лѣтъ не старыхъ, но тронутъ ударомъ, продолжающимся около десяти лѣтъ, дожидался насъ всегда, сидя на одномъ мѣстѣ въ бесѣдѣ, или на открытомъ канале. Онъ не могъ дозгивать въ колѣнахъ ногъ и ходя передвигалъ ихъ почти прямо; почему садился и вставалъ съ помощью человѣка, хотя ѣлъ и пилъ со вкусомъ, и цвѣтъ въ лицѣ имѣлъ человѣка довольно свѣжаго.— Сія болѣсть обратила его отъ жизни свѣтской на постоянную и набожную. Онъ показалъ мнѣ свой кабинетъ мольбы, или храмъ определенной для молитвы. Въ немъ стоялъ на стѣнѣ образъ Богоматери, называемой Смоленской, въ ризѣ позолоченой, за стекломъ, въ кивотѣ, мѣрою, сколько помню, около аршина и съ кивотомъ. По его словамъ, чрезъ поклоненіе тому образу, съ

котораго сей списанъ, онъ избавленъ чудесно, помощію Богоматери, отъ болѣзни, отъ которой слѣды, какъ-бы для всегдашняго воспоминаенія, остались только въ ногахъ. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ канона благодарнаго Богоматери, сочиненнаго имъ самимъ послѣ болѣзни, для каждагодневнаго чтенія утромъ и вечеромъ, предъ образомъ. Гдѣ приходилось именовать Творца вселенныя, тамъ онъ говорилъ: «Создатель міровъ». «У насъ—говорилъ онъ мнѣ—учатъ: что земля обитаемая нами, есть одна въ поднебесной; но это не правда. У непостижимаго Создателя, въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха безчисленное множество міровъ».

Мнѣніе его не было для меня новизною; но я дивился, что человекъ пожилой и тронутой ударомъ соглашается съ истинной, и вмѣстѣ вѣрить, что онъ исцѣленъ чудесно, и изъясняетъ подробно, какъ это съ нимъ случилось. Дочь его, барышня умная и бойкая, лѣтъ 22-хъ, не горячо вѣря повѣсти отеческой, сказала: «развѣ не можетъ все это присниться?»

Возвратясь въ Могилевъ,—не дождавшись резолюціи—явился я къ своему генералъ-губернатору, повторилъ словесно то, о чемъ уже зналъ онъ изъ писменныхъ донесеній. Отвѣчалъ на то, о чемъ былъ спрошенъ, и наконецъ, получилъ отличную привилегію, чтобъ я «приходилъ всегда къ обѣду, когда вздумаю, не дожидаясь повѣсти зову».

Я водворился въ мой новой домикъ. Между тѣмъ безкрылое время пролетѣло уже шестилѣтнее поприще отъ открытія намѣстничества, или лутче сказать: оно ни пошевелилось, но жизнь наша мгновенно по немъ скользнула. Многое въ губерніи измѣнилось; многое возникло, многое уничтожилось. Секретаря Судейкина,—который послѣ Рогачева былъ въ гражданской палатѣ секретаремъ,—и Малѣева, которой былъ уже въ уголовной палатѣ предсѣдателемъ, ударили въ разные времена смертельной параличъ. Сотрудникъ мой по стихотворству, секретарь Пшчневъ умеръ въ водяной болѣзни, и проч. и проч. Уничтожилась и рогачевская таможня, и одноземецъ нашъ, г. Хамкинъ давно уже живетъ въ губернскомъ городѣ безъ должности и службы, питаясь оставшимися отъ таможенныхъ приобретеній крохами; онъ еще столько былъ гордъ, что отвергалъ съ презрѣніемъ предлагаемыя ему мѣста и должности, если они были меньше, или

не столько прибыльны, какъ цолнерскія въ таможенѣ. Мы съ Луцевиннымъ занимаемъ штатныя мѣста, и видимъ, что Хамкинъ, человекъ нѣкогда значившій и достаточной, остался позади насъ, и напоследокъ принужденъ былъ горемъ принять то мѣсто страпчего верхней расправы, съ котораго я поступилъ на большее. Сынъ его, молодой 24-лѣтній, избѣженный, избалованный, опредѣленъ въ расправу протоколистомъ. Старикъ, не видя въ немъ пути, упросилъ меня, чтобы чадо любезное имѣло въ домѣ моемъ квартиру, авось-либо, говорилъ отецъ, сынъ мой поправится, видя благіе примѣры хозяина дома. «Благодѣтель мой!» говорилъ мнѣ сей искренной старикъ: «порадѣй въ пользу моего сына; ты жилъ въ Сѣвскѣ при особѣ важной; твоя тамъ слава по нынѣ не исчезла, ты и здѣсь ведешь жизнь приличную честнымъ и добропорядочнымъ людямъ» и проч.

Рѣчь старца, хотя покрытаго сѣдиною, но вѣщаго — какъ казалось — столько же и въ разсудѣ, сколько въ здоровѣ, привела меня въ жалость; я не подозрѣвалъ, чтобы мое самолюбіе тутъ участвовало, и молодой Егоръ Хамкинъ перебрался ко мнѣ тѣмъ охотнѣе, что надѣялся избѣжать отцовскихъ упрековъ.

Отецъ снабдилъ его столовымъ, чайнымъ и кофейнымъ серебрянымъ и фарфоровымъ приборомъ, персонъ на шесть, и всякаго сорта бѣльемъ и платьемъ, а сынъ нашолъ *) къ себѣ во услуженіе вольнаго гусара. Столъ нашъ, по условію, долженъ былъ быть вмѣстной или очередной. Народъ, по штату въ губернскомъ городѣ положенный, заговорилъ: какъ можетъ мѣститься вода съ огнемъ? «Такъ точно — отвѣчалъ остроумно молодой Хамкинъ при одномъ случаѣ — какъ мѣстится въ одномъ горшкѣ кушанье, которое не бываетъ сварено безъ огня и воды». Иные говорили, что старикъ Хамкинъ лучшаго мѣста и способа для исправленія сына своего желать не долженъ, и тѣмъ его поздравляли! Но увы! вездѣ праведнику чортъ мѣшаетъ, и вездѣ грѣшнику соблазнитель сатана помогаетъ! Тогда было въ губерніи генеральное межеванье, и моего Егора испортился порядокъ прежде, нежели солнце протекло Стрѣльца, Козерога и Водоля. Онъ сперва началъ отваливать отъ обѣда, или отъ ужина, а потомъ, и цѣлыя сутки его нѣтъ. Гдѣ-жъ онъ и чѣмъ занимается? Кар-

*) Вмѣсто зачеркнутаго «нанялъ».

точною игрою съ землемѣрскою партіею, которая въ деньгахъ никогда скудости не имѣеть.

Единожды мой Егоръ, въ сіе долгонощное время года, приходитъ за полночь, шумить, говорить, пробуждаетъ меня; гремитъ деньгами золотыми и серебряными, въ шляпѣ и по карманамъ, всего этого добра составляло рублей съ небольшимъ на двѣсти, однако-жъ онъ столько былъ кураженъ, какъ будто-бы получилъ счастье на дѣльную жизнь, изъяснялъ мнѣ свою радость, и былъ въ надеждѣ всегда выигрывать. Я совѣтовалъ ему умѣрять радость. «Игра, говорилъ я, потому и называется игрою, что она непостоянна; а непостоянство, ни въ какомъ случаѣ, не заслуживаетъ нашей радости. Если-же, по мнѣнію древнихъ, нѣтъ ничего безъ исключенія, то игра есть достоинство однихъ только бриліантовъ, которыхъ мы съ тобою не имѣемъ», и проч.

Мое нравоученіе сильно подѣйствовало. Черезъ нѣсколько дней слышу, что столовыя ложки въ закладѣ у землемѣровъ.

— «Правда ли это?» спросилъ я моего игрока.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я только заложилъ роздачную ложку, да и за ту обѣщаль мнѣ пріятель заплатить хорошую цѣну, если она у него останется. Онъ мой другъ, и я ему вѣрю».

«Надобно, чтобы дружба была безъ залоговъ роздачныхъ ложекъ?»

— «Однако-жъ вы сами, какъ умной человѣкъ, согласны будете, что дружба укрѣпляется пособіями во взаимныхъ нуждахъ».

Видя, что мой Телемавъ и самъ разсуждать и меня хвалить мастеръ, не разсудилъ я больше что ему сказать, какъ: «пусть по твоему».

Въ одинъ вечеръ, приходитъ къ намъ старой Хамкинъ, находитъ меня и сына пьющихъ чай, садится на мою постелю и, выпивъ чашку чаю, возглашаетъ: «Сынъ мой! Знаю я непорядочное твое поведеніе... Я пожилъ на свѣтѣ много, былъ на кони и подъ вонемъ. Знаю горе, испыталъ счастье. Можетъ быть худо научился, не могу хвастать. Но для тебя, сынъ мой! я все исполнилъ то, чего требовалъ отъ меня долгъ отца. Я отдавалъ тебя учиться нѣмецкому языку, одѣвалъ тебя прилично воспитанія и моего достатка, опредѣлилъ тебя въ службу, отпустилъ тебя, снабдивши всѣми принадлежностями. Ты имѣешь оберъ-офицерской чинъ, а поступки твои не хороши; знаю я, не время

тогда гать гатить—плотину починать—когда ее рветъ стремленіе воды. Не запрещаю я тебѣ веселиться, но ты выходишь изъ границъ веселья, ты проигрался, да говорятъ, что съ землемѣрами и подбиваешь. Отстань, повайся, послушай отца! Если не послушаешь, Богъ тебя покараетъ».

Сямъ простымъ и искреннимъ наставленіемъ, — которое написалъ я почти точными его словами—онъ произвелъ во мнѣ къ себѣ жалость и почтеніе; но сынъ засѣпалъ отца многорѣчивымъ себя оправданіемъ, и чуть не принудилъ старика признаться, что онъ сына обидѣлъ непростительно своимъ наставленіемъ. Между прочимъ, была со стороны сына и часть правды; онъ говорилъ: «Не сами-ль вы, батюшка, меня такъ воспитали? Не вы ли мнѣ говаривали: играй Егоръ въ карты, это дѣло благородное?» и проч.

Такимъ образомъ, зимнее время протекало. У молодого Хамкина явилась гарнитуромъ покрытая шуба небеснаго цвѣта, съ воротникомъ чернобурыхъ лисицъ. Онъ является въ ней по праздникамъ въ соборную церковь и на зрѣлища. За нимъ его гусарь, порядочно одѣтой. Землемѣры къ нему одинъ по одному подходятъ, съ нимъ говорятъ, его окружаютъ, и, мало-по-малу, дѣлается землемѣрская партія, и вмѣстѣ партія игрововъ. Молодой Хамкинъ, румяной, живой, играетъ въ ней героическое лицо; говоритъ, вопрошаетъ, отвѣчаетъ по-нѣмецки, и заставляетъ о себѣ думать, что ему небезвѣстна вся Германія. Низкихъ привычекъ: скромности, осторожности въ словахъ и поступкахъ и уваженія къ старшимъ лѣтами, познаніями и заслугами, онъ не имѣлъ отъ природы. Отецъ, радуясь цвѣтущему состоянію сына, перемѣнилъ тонъ своего наставленія ему и началъ, при всякомъ случаѣ, гласить: «сынъ мой Егоръ—точные его слова—ты благородной человѣкъ, благороднаго отца сынъ. Играй въ карты, это дѣло благородное».

Уже прошло нѣсколько мѣсяцовъ, и благородной Егоръ не платитъ ни за столъ, ни за квартиру, однако-жь когда возвращается—хотя и рѣдко—съ благороднаго упражненія, пользуется тѣмъ и другимъ. Уже гусарь давно мнѣ доноситъ, что въ сундукѣ господина его очень просторно...

— «Почему ты это знаешь?...»

— «Потому, что у меня нѣтъ ни рубашки, ни сапоговъ, а сундувъ не запертъ».

Въ самомъ дѣлѣ нашли мы въ немъ съ гусаромъ, изъ всего столоваго и чайнаго прибора, одну только ложку да солонку серебряныя, даже бѣлья и платья уже не было.

Вѣрной гусаръ вскорѣ пошолъ туда, гдѣ даютъ рубашки и сапоги; а господинъ его, приходя и выходя безъ поры, и не находя ни обѣда, ни ужина, подхватилъ свою кровать — на которой постеля была еще въ цѣлости — и порожній сундувъ, и сталъ на квартирѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ землемѣровъ, равныхъ съ нимъ лѣтъ, которому отецъ изъ Смоленска часто подсылалъ содержаніе. Напоследокъ, партія землемѣрская переѣхала въ другую губернію, и съ нею ловля, торговля и промышленность для Егора благороднаго упали.

Старой Хамкинъ проживши все, что нажито въ таможенѣ, проводилъ жизнь самую бѣдную съ женою, дочерью и съ меньшимъ сыномъ. А старшій, благородный наслѣдникъ, шатаясь съ квартиры на квартиру, и не имѣя пропитанія, возвратился на квартиру къ отцу, и помогаль съ успѣхомъ умноженію общей бѣдности. Для докончанія повѣсти, нужно нарушить порядокъ лѣточисленія *). Бѣдность старика Хамкина кончилась смертію около 1797 года. А старшій сынъ перебѣжалъ въ Витебскъ, когда, по повелѣнію Павла I-го, Могилевская и Полотская губерніи соединены въ одну Витебскую, гдѣ, послужа площаднымъ писцомъ, попивши гдѣ случилось, и ободравшись, растолстѣлъ, оскорбутѣлъ. Въ такомъ положеніи, отправился въ Петербургъ, для поиска счастья, думая, что въ столицѣ на такихъ людей недостатокъ. Но на одной изъ почтовыхъ станцій — помнится въ Лугѣ — кончилъ тридцатилѣтнюю съ небольшимъ жизнь свою.

На какой же конецъ рассказана эта истинная повѣсть? На тотъ, что это не сказка, а я лутче люблю быть, нежели выдумку; впротчемъ, читатель съ разсудкомъ, и не имѣя чѣмъ лутчимъ заняться, найдетъ что-нибудь вездѣ и во всемъ, какъ Сумарокова пчела:

И посѣщающа благоуханну розу,
Береть въ свои соты частицы и съ навозу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Последняя строка въ подлинникѣ зачеркнута.